

Союз писателей ЛНР

Воля Донбасса

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК

Луганск
2019

Альманах
Воля Донбасса (сборник)

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 82(477.61)
ББК 84 (4Луг)6

Альманах

Воля Донбасса (сборник) / Альманах — «ИП Березина Г.Н.»,
2019

ISBN 978-5-00153-104-3

Сборник произведений о Донбассе и про Донбасс. Опаленные войной и болью строки о народных республиках – сражающихся, строящихся и верящих в будущее.

УДК 82(477.61)
ББК 84 (4Луг)6

ISBN 978-5-00153-104-3

© Альманах, 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Поэзия	8
Елена Заславская	8
Новая заря	8
Последняя обойма	8
Когда-нибудь	11
Наталья Макеева	12
На блокпостах	12
Дорога	12
Женщины	13
В пути	13
Александр Сигида	15
Братские могилы	15
На рассвете 4-30	17
«Когда растерзанные мысли...»	18
«Я живу в ожидании взрыва...»	18
Алёна Костина	19
С войны	19
Всё мамино	20
Алина Баева	21
Возвращайтесь домой	21
Поколение войны	21
Потанцуем, малыш?	22
Анна Долгарева	24
«Восходила, сияла над ней звезда...»	24
«Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе...»	24
«Мальчик спит в электричке и обнимает рюкзак...»	25
«Нам делали манту, и мы его мочили...»	25
«Когда наступает август, выходят лисы...»	26
Марина Бережнева	27
«На фронтире солнце обычно садится рано...»	27
«Чужих стихов прочитанные строчки...»	28
«Быть человеком среди человек, – ...»	28
«Ты вдруг поймёшь, что мир принадлежит...»	29
Юрий Беридзе	31
Как люто...	31
После взрыва	31
Но я не видел никого...	31
Поминать вечно	32
Нас просто так не взять...	32
Слепцы	32
Господняя причуда	33
А нам-то какво	33
Нужен сорок пятый	34
Ирина Горбань	35
Опостылело	35
В зоне видимости	35

Очередной раунд	36
Наталья Литвиненко /Перепелка/	38
Людмила Гонтарева	40
Марк Некрасовский	43
Михаил Афонин	46
Разговор с сыном	46
Вторые сутки без неё (доктор Лиза)	46
Юнна Мориц	48
О любви	49
Нина Дернович	51
В огне	51
Лучших не досчитаемся	51
Дорогие мои земляки	52
Марина Орлова	54
Донецкий ветер	54
Владислав русанов	56
Деду	57
Светлана Сеничкина	59
Сергей Тесла	60
Национальный вопрос	60
Владимир Скобцов	62
Мой рай	62
Звездопад	62
Час бессмертья	63
Григорий Егоркин	64
Старик, не злись...	64
Виктория Шатохина	66
Метроном	66
Донбасс, ты не был таким седым...	66
Мой город роз	67
Дым	67
Андрей Соболев	69
Последний день августа	69
Лаура Цаголова	71
Русское поле	72
Неуставное	72
«Ватник»	74
Песня Горловки	75
Правила русского боя	76
Александр Сигида /младший/	79
Цвет извне	79
Жертвоприношение	80
Миссия легата	80
Безумие, вышедшее из моря	81
Анна Ревякина	82
Проза	88
Алексей Ивакин	88
Чернухино. ИК-23	88
Дмитрий Митрофанов	104

Жаркое лето 14-го	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Воля Донбасса

© Интернациональный Союз писателей, 2019

© Союз писателей ЛНР, 2019

Поэзия

Елена Заславская
(Луганск)

Новая заря

Душа моя, о чём ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик —
Убийца, нацик и фашист?

Что нет ни правды и ни кривды,
Есть только ярость и покой,
И все забудутся молитвы,
И были порастут быльём,

Колючие степные ветры,
Свидетели ночных атак,
Как прежде отпоют отпетых
Сорвиголов и забияк,

И ты исчезнешь в тёмной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?

Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?
Так общей болью причащаясь,
Ты узнаёшь, что есть любовь.

И ею как щитом хранима
Вся наша русская земля
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

2017

Последняя обойма

*«И воистину светло и свято
Дело величавое войны...»*

Николай Гумилев

1

Последняя обойма разрывных...
И умирать, наверное, не больно,
Но выстрелы пока что не слышны
И степь ковыльная колыхается, как море...
Пишу заметки на полях войны,
Обрывки дневников и хроник.
Здесь у обрыва обнажились корни, —
Вот так и мы
Цепляемся за пядь родной земли,
В которой нас однажды похоронят.
Пока мы живы. Молоды. Пьяны.
Надеемся и держим оборону.

2

Последняя обойма разрывных...
А как без них родится новый топос,
Когда мечта в проекции на плоскость
Не знает политических границ.
Мы повзрослели в 90-х,
Мы постарели в нулевых,
Но новый русский станет новоросским,
Чтобы остаться у контрольной высоты,
И звёздную отряхивая пыль
С солдатских берцев и «берёзки»,
Шагнуть в бессмертие, где русские берёзы,
Как сёстры не наплачутся над ним.

3

Последняя обойма разрывных...
Сержант не знает то, что он покойник.
Ещё он жив. Смеётся. Занял столик
До выходных.
Несказанная речь стекает глоткой.
И ненависть течёт по веткам жил.
И корка серого над горькой стопкой:

Не дожил.
А из спины, куда вошёл осколок,
Вдруг – пара крыл.

4

Последняя обойма разрывных...
Прошу тебя, пиши мне, если сможешь,
Знай, для меня нет ничего дороже
Связавшей нас мечты,
И русской неожиданной весны.
Здесь, на войне, я ощущаю кожей
И смерть, и жизнь!
Здесь каждое мгновение – возможность,
И говоря «быть может»,
Мы понимаем: может и не быть.

5

Последняя обойма разрывных...
Последний для себя, коль карта бита.
Наш старый мир исчез, как Атлантида —
Чёрт с ним.
Сомкнутся волны трав. Утихнут битвы.
Останутся лишь песни и молитвы,
И в них
Упоминания имён и позывных,
И наша память, как кариатида —
Опора человеческого вида,
Их сохранит.

6

Последняя обойма разрывных...
Кто выживет, тем долго будет снится
Война, однополчане-пацаны,
И скифских баб обветренные лица.
Со школьной нам известная скамья
Строка сегодня, как БЛОКбастер, повторится:
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы...
А может, евразийцы.
Для вас, Европы сытой холуи,

Зажглись артиллерийские зарницы!

7

Последняя обойма разрывных...
Гремят артиллерийские дуэли,
И нас отпетых уж давно отпели
Степные суховеи. Как шмели,
Жужжат шрапнели.
И шмели
Плюют огнём. Нет ни земли
Ни неба.
И древнее «иду на вы»
Из тьмы столетий
Достаю нам на потребу.....
Вершится дело величавое войны!
Вершится треба!

2017

Когда-нибудь

Когда-нибудь
Ты вылепишь из глины
Лицо моё,
И шрам, и родинку, и каждую морщину,
Свидетельницу болей и тревог,
Ты влажными и тёплыми руками
Коснёшься острых скул,
Быть может Бог
Вот так лепил Адама
И жизнь в него вдохнул.
Твори меня – средь смерти и войны,
Жизнь на любви замешанная глина,
Ведь чтобы выжить, нам нужна причина,
И чтобы умереть – нужна причина,
А для любви причины не нужны.

2017

Наталья Макеева (Москва)

На блокпостах

На блокпостах – сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто, или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

– Кто здесь? – Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, ответ по позывному...
Вон, за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

Дорога

Змеятся обочины
Снежные терриконы
Дорога заносчива —
Слышишь покрышек стоны?
Неба проталина

Фонарей шеренги
Песни оскаленные
Хором поют железным
Лёд магистрали
Указателей пугала
Холод усталости
Нас этой ночью путает
Тысяча километров
Призраки поворотов
Мечущегося света
Снежная позолота

Ветер пронизывает
Позёмка злится
Пашня иссиня-сизая
Очередь. Степь. Граница.

Женщины

Кому-то этого никогда не понять —
Этих женщин в пустынном военном городе.
В подвалах, в очередях за водой.
Здесь остающихся, выживающих впроголодь.

Здесь отличающих входящий от исходящего,
Детей рожаящих под обстрелами...
А вы видели, как шутят, смеются они,
И себя не считают особо смелыми —

«Это наш город, мы никуда не уйдём.
Пусть эти уходят, мы их не звали!»
Дети собирают осколки в саду
И учат уроки при свете свечи в подвале.

И пока штурмуют границу
толпы желающих выехать,
Прочь бегущих с когда-то родных земель,
Вчерашняя школьница с чертами
иконописными,
Неумело крестясь, закрывает собой колыбель.

В пути (воспоминания о Блоке)

Без края – тьма. Просторы спящие.
В туманном движется окне
Страна большая, настоящая
И ключ поручен только мне.

Хранить сокровище холмистое
Его дорог святую пыль
То через сон, а то – неистово
Считать дорожные столбы.

Всю ночь короткую и лунную
Горячий воздух дик и глух,
И контуры двоятся мутные

И пёсий вой не режет слух.

Столбы проносятся, созвездия
Покрыли сетью небосвод
И мир – и терпкий, и таинственный —
В неё плывет, плывет, плывет...

Плывет с небес седое крошево
В тугую сеть далёких звёзд.
А ключ, в канаву мною брошенный,
Давно бурьянами зарос.

Александр Сигида
(Молодогвардейск – Атамановка, ЛНР)

Братские могилы

I

веришь фотоснимку или на словах?
(...и лежат в обнимку в придорожных рвах)

поворот на Счастье кто-то подсказал...
(самолет на части – в дым автовокзал)

лупит не по-детски горе-самолет
(парень из Донецка в Киев не идет)

помощь из Иркутска шлют на Волгоград...
(парубОк из Луцка заряжает «град»)

террорист жестокий не пошел на Львов...
(на юго-востоке всем хватает рвов)

II

лезут из Европы рыцари плаща...
(ямы да окопы роем сообща)

вместо похоронки червь получит корм
(...водрузят обломки на могильный холм)

эти обелиски на манер креста
(ни к чему «зачистки», если пустота...)

«кто бомбил Тернополь? – Пять шагов вперед!»
(поезд в Симферополь больше не идет)

кто составил списки и готовил пир?
«сообщите близким кто кого убил».

III

...свежая воронка, где стоял блокпост;
(там бензоколонка кладбище и мост)

жителей пугали образом врага
но не помогали вилы и рога...

ворогу в угоду жить под градом пуль?
(отключили воду – на дворе июль)

закатал бульдозер в землю огород;
испарились слёзы и соленый пот

<бомбовоз> уводят на второй заход
на Донбасс вернулся 41-й год?

IV

авиатор видный как тебе взбрело
под огонь зенитный подставлять крыло?

кто считал убытки, поощряя прыть?
удались попытки небеса закрыть

<грузовик> пузатый искупил грехи —
рухнул за посадкой и десант погиб;

где-то в Павлодаре бабы голосят...
(авиаудары больше не грозят)

вопли просочились кровью в вышину;
по утрам учились слушать тишину

V

супостат проклятый лезет напролом
(заменял лопату примитивный лом)
что искал в обломках западный эксперт?
(чёрным похоронкам ни к чему конверт)

догорает тополь прямо у ворот

(добровольной <опой> тешится народ...)

родовая память правду говорит;
(добываем камень для могильных плит)
рушили могилу древнего царя
чтоб проверить силу камня-дикаря?

VI

рядом с баррикадой догорел костер;
(извели блокадой братьев и сестер)

поздно или рано – сколько съел пудов?
(поражают раны наших городов)

требуйте свободу у своих властей;
(лопаются сходу крылья лопастей)

корчивший дракона выронил штурвал;
(к нашим терриконам вас никто не звал)

прошлому нелепо карами грозят;
(падающим с неба нет пути назад)

На рассвете 4-30 (04.07.2014 г. Краснодон, под обстрелом)

громы побили все нормы – ради каких-то наград...
(рвутся снаряды и бомбы – это работает «град»)

злые хозяева рады – раб добывает раба...
(воют собаки да бабы, и догорают хлеба)

мины-патроны-гранаты ревом пугаю ворон
(лезут поганые гады танками с разных сторон)

взрывы и справа, и слева;
(или – ну – все-таки гром?)
(если расколется древо,
рухнет заброшенный дом)

строчки из старой анкеты или лихая судьба?
(лишь полевые букеты да пулевая стрельба)

«Когда растерзанные мысли...»

Когда растерзанные мысли
буквально лезут на костер,
где кровь козленка коромыслом,
а мясо брошено в котел;
где череп сразу после казни
похож на скорлупу яйца,
где мир давно не верит в сказки,
но не сдаётся до конца;
мы остаёмся на коленях,
чтоб докопаться до корней;
<Бредут полярные олени>, —
колени стерты до костей.

Не обращая на потери
душа сжимается в комок.
В колодец нашей колыбели
ложится Запад и Восток.

«Я живу в ожидании взрыва...»

Я живу в ожидании взрыва.
Нет, никто не стремится напасть,
Это мы под угрозой разрыва
Уповаем на твёрдую власть.

Это нам безразлично, что танки,
Что ввели для порядка войска.
Демократии нет. Из-под палки —
Не ученье – слепая тоска.

Ощущение смерти окрепло
От того, что в соседнем дворе
Развеваются ленты из крепа...
Прилетели грачи в феврале?

Ошибаюсь я, это не птицы.
Перекошены лица и рты.
У родителей чёрные лица:
Сыновья у последней черты.

Алёна Костина (Донецк)

С войны

Ты пройдёшь по посёлку, не узнав никем,
С голым торсом, совсем без рубахи,
Даже там, где лоза стебанёт по руке,
Не почувствуешь боли и взмаха.
Ты вернёшься домой. Ничего не поймёшь.
Все родные без зренья, без слуха?
Что за повод? Телёнка пустили под нож,
Стол накрыли в такую разруху.
Мать на зов головы не поднимет своей!
Нет бы, вытереть горькие слёзы.
Разве должно встречать так с войны сыновей?
В чёрной шали и в сторбленной позе?
Смерть узнаешь в толпе, как к родной подойдёшь,
Бросишь ей: «Как житуха, старуха?
Про кого говорят, что о нём плачет дождь?
В крышку чью гвоздь вбивается глухо?»
А толпа не услышит, зудеть о своём
Будет долго, срываясь на всхлипы.
Всюду лавки. А как же развесить бельё
На верёвке под старенькой липой?
Сослуживцы с угрюмыми лицами... Залп.
Это значит – потери у роты...
Кто-то ленточкой чёрной уже обвязал
И к кресту прикрепил твоё фото.
Смотрят мимо Её голубые глаза
И тебе не привлечь их, не пробуй.
Вы же с ней целовались неделю назад,
А теперь – Она плачет у гроба.
Возле входа с венками стоит молодёжь.
«Упокой» – речь толкает братуха.

Ты подумаешь: «Сон! С меня хватит! Хорош!»
«Я живой!» – прокричишь ему в ухо.

И препятствия нет в виде стен или тел.
Нет ранений. Они отболели.
Ты поймёшь, что домой ты не шёл, а летел
Все три дня... из другой параллели.

Всё мамино

Всё мамино – и губы, и глаза,
И даже этот светлый чуб вихрастый,
Что крутится, хоть как не подрезай,
Хоть шапкой придави, а всё напрасно..
Весь в маму. Кто же будет отрицать?
Легко даются точные науки...
И он запомнил, как его – мальчика —
Подбрасывали вверх мужские руки.
Всё мамино... Черты её лица...
Но, бережно хранима, как в музее
Подушечка с наградами отца,
Погибшего в боях за эту землю.

Алина Баева (Донецк)

Возвращайтесь домой

Возвращайтесь домой... Для дончан нет надежного тыла,
Вы чужие в стране, что привычно считалась своей...
Здесь вас помнят и ждут, здесь родные дома и квартиры,
Тот особый уют из знакомых до боли вещей.

Возвращайтесь домой, пусть сперва будет страшно и сложно
И понять, и принять, приспособиться к будням войны,
Но поймете однажды, что жить вдалеке невозможно
От непризнанной миром, но гордой и стойкой страны.

Возвращайтесь домой, где всегда по-семейному рады
Разделить вместе с вами скупые подарки судьбы:
Достиженья, успехи, порывы, победы, награды.
Где поймут и простят и помогут уйти от беды.

Возвращайтесь домой, нет спокойствия в странах соседских,
Ведь на сердце у вас маркировка надежно стоит:
«Был в Донбассе рожден, жить не может без степи донецкой»...
Хоть порой этот факт вами просто бывает забыт.

Возвращайтесь домой. Новых родин себе не найдёте...
Можно много примерить, но думать всегда об одной,
Где душа запоет, раскрываясь от счастья в полёте.
Мы вас искренне ждём, возвращайтесь, дончане, домой.

Поколение войны

Поколение войны – наши дети, проросшие в пепле
На руинах страны, подписавшей для них приговор,
Посулившей хорошее мыло и крепкую петлю,
Резервацию, тихое гетто, высокий забор.

Они видели все, о чем многие только читали
В ветхих книгах о битвах, пылящихся в старых шкафах,
И смотрели порой кинохроники прошлых баталий...
Дети видели все, им знакомы и ужас, и страх...

Никогда их ровесники в мирных краях по соседству,
Протирая штаны на фудкортах, смоля в уголке,

Не поймут, что меняет детей их военное детство,
И непрочен и шаток их мир, как круги на песке.

Им как будто не чужды простые ребячьи забавы:
Карусель, самокат, выбивной и футбол во дворе,
Но остались следы от войной занесённой отравы,
Приползающей грязной гадюкою в сны к детворе.

Каждый день их – мишень для безумцев из страшного тира.
Под прицелом растёт, ненавидеть учась малышня
Эти вечные будни заезженных в хлам перемирий
И гудящие ночи обстрелов, когда не до сна...

Поколение войны... Подрастает достойная смена
В никому не известной, забытой богами стране —
Батальон закаленных, готовых к боям Питер Пенов,
Потерявших заочно надежду на этой войне...

Потанцуем, малыш?

Потанцуем, малыш? Солнце блики кидает в осколки
Битых стекол оконных, провалы разорванных крыш.
Серебрят седина, будто инеем, детскую челку.
Ты боишься? Не бойся... Давай потанцуем, малыш.

Шаг вперед, шаг назад... Я тебе расчерчу танцплощадку,
Плотно пули кладя по периметру, глядя в прицел,
Отмеряя пространство для действия от дома до грядки.
Шаг вперед, шаг назад... Погоди, не мечись, моя цель...

Ты не видишь меня, потому и рыдаешь так громко,
Для тебя мои выстрелы, право, что кара небес.
Потанцуем, малыш, ты не бойся, не трону ребенка.
Попугаю чуток, может, выйдет на крики отец.

Мне же скучно порой, снайпер – для терпеливых работа.
Поиграю с тобой – серой зоны невинным жильцом.
Пулю слева и справа пошлю, проучу обормота.
Выше прыгай, малец, развлекая меня гопаком.

Не куражусь, пойми, жизнью четко прописаны роли —
Ты же враг и предатель, хоть в этом твоей нет вины,
Ты – работа моя, обитатель военной юдоли,
Подрастающий воин непризнанной нами страны.

Ты запомнишь, поверь, этот день, этот танец навечно.
Буду точно я знать, что ты где-то ночами не спишь,

Вспоминая шаги, репетируя па бесконечно,
Ненавидя меня. А пока... потанцуем, малыш...

Анна Долгарева (Санкт-Петербург – Луганск)

«Восходила, сияла над ней звезда...»

Восходила, сияла над ней звезда,
подо льдом шумела живая вода,
просыпались деревни и города,
напоенные светом новой звезды.
Сквозь закрытую дверь пробиралась стынь,
по-над полом тихо ползла туда,
где сидела она, на руках дитя
обнимая. Снаружи мороз, свистя,
запечатывал накрепко все пути,
чтоб чужой человек не сумел прийти.
На дверных петельках темнела ржа.
И она сидела, Его держа,
и она бы молила Его не расти,
чтоб стирать пеленки, кормить из груди,
оставаться не Богом – ее дитём,
не ходить этим страшным терновым путём,
оставаться маминым счастьем, днем
абрикосово-жарким, чтоб был – человек,
и никакой Голгофы вовек.
Чтоб – как у всех, чтоб не знать никогда
этих мук нелюдских, чтоб от горя не выть...
Но уже восходила над ней звезда
и уже торопились в дорогу волхвы.
И уже всё пело про Рождество.
Потому не просила она ничего,
только всё целовала ладошки Его
и пяточки круглые у Него.

«Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе...»

Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе:
нет никакого разложения с гнилостным вкусом,
нет внутри человека угасания никакого,
а только мороженое на площади на руках у папы,
запах травы да горячей железной подковы,
березовые сережки, еловые лапы,
только вот это мы носим в себе, Юра,
видишь, я по небу рассыпал красные звезды,
швырнул на небо от Калининграда и до Амура,

исключительно для радости, Юра,
ты же всегда понимал, как все это просто.
Мы с тобой, Юра, потому-то здесь и болтаем
о том, что спрятано у человека внутри.
Никакого секрета у этого, никаких тайн,
прямо как вернешься – так всем сразу и говори,
что не смерть, а яблонев цвет у человека в дыхании,
что человек – это дух небесный, а не шакалий,
так им и рассказывай, Юра, а про меня не надо.
И еще, когда будешь падать —
не бойся падать.

«Мальчик спит в электричке и обнимает рюкзак...»

Мальчик спит в электричке и обнимает рюкзак.
Тощий. Нашивка «Вооруженные силы».
Поезд идет на Лугу. Мелькает овраг,
сосны, болота и вечер пасмурно-синий.

Мальчик в пикселе спит, качаясь, словно бычок,
словно доска кончается. Чай проносят.
Русоголов, острижен и краснощек,
едет через болота и через осень.
Господи, усыновить бы. Вот всех бы, всех.

Стать бы большой, до неба, и чтоб руками
всех заслонить. Под черный болотный камень
речка течет. Заяц меняет мех.
Осень кончается. Белка тащит орех.

Усыновить бы. Остановить бы. Спи,
пиксельный мальчик. Пускай электричка едет,
дождь проникают к корням деревьев в глуби,
пусть тебе снятся будущие победы.

Славный мой, лопухий. Туман вдали —
так бы и ехать мимо маленьких станций.
Все мы уже в раю – нам бы в нем остаться.
Черные речки да рыбаки у мели.
Дождь вымывает кости из-под земли

«Нам делали манту, и мы его мочили...»

нам делали манту, и мы его мочили,
опасливо, тайком, эксперимента для.

мы вырастали в то, чему нас научили
от жвачек вкладыши и черная земля,

всосавшая в себя бессмысленные трупы
начала девяностых, мы росли на них,
как хищные цветы, ноктюрны в ржавых трубах,
как спорынья на ржи, как вольный белый стих.

и выросли для войн – вот орден, вот и крестик,
мы соль земли, и мы – ее же перегной.
храни же нас, Господь, в сухом прохладном месте
в коробке с прочей оловянной солдатней.

«Когда наступает август, выходят лисы...»

Когда наступает август, выходят лисы,
выходят из лесов на дороги.
Лисы худы, лохматы и тонконоги,
к августу они устают торопиться и злиться.
На дорогу падают желтые яблоки,
они похожи на лица.

Предчувствие осени – это предчувствие смерти.
Лисы выходят на дороги и там умирают.
Фуры летят, и не видят лис, и дымится земля сырая.
Мокрые асфальтовые километры
тянутся за горизонт, до земного края.

К осени дороги усыпаны мертвыми лисами,
мертвыми листьями,
мертвыми яблочными лицами.
Фуры гоняют по ним, превращая их в новый пласт,
новый слой дороги, жизни, земли, перегноя,
ветер качает подсолнуха желтый глаз,
он глядит за лисами, за фурами, за луною,
как вечный свидетель закономерного упокоя,
как страж, отмеряющий каждому нить, говорящий: «Жди»,
Мертвые лисы молча лежат на дорогах.
Едут фуры.
Идут дожди.

Марина Бережнева (Донецк)

«На фронтире солнце обычно садится рано...»

Александрю Сигиде

На фронтире солнце обычно садится рано.
Ночь приходит быстро – темна и обильна росой.
В облаках закатных зияет отверстой раной
Полость неба, светит белесою полосой.

На фронтире лето к окопам почти подкралось.
И в зелёнке – самое время для соловьёв.
Им немного тихих минут для песен осталось —
Тишина недолга, молчание меж боёв

Может, сутки длится, может быть – пару суток.
Соловьи, спешите – весна на фронтире строга!
Глубоко и ярко нам здесь открывают сути
Смысла жизни, измены, любви, не любви, врага...

На фронтире ветер несёт ароматы мяты.
Холодок её – для горячих голов и губ...
И в степи шумит, и стучит в жестяные латы
Уцелевших крыш, уцелевших ворот и труб...

Засвистит в проём, что раззявлен побитой крышей,
Занесёт в руины горсть желтеющих лепестков.
И утащит верх, поднимая всё выше, выше
Влагу слёз скупых – пополнить запас облаков.

Над фронтиром небо – перевёрнутой синей чашкой.
Наполняют чашку облака из слёз и росы.

На фронтире ходит то в «горке», то в «цифре» Сашка,
Улыбаясь редко в пшеничной масти усы...

Над фронтиром бушует весна, и чтоб ты не пророчил,
За весною – лето, и осени дни придут.
Знаешь, просто – жить, не солдатом, поэтом хочет
Ополченец Сашка, и мира фронтиры ждут...

«Чужих стихов прочитанные строчки...»

Чужих стихов прочитанные строчки,
Как мотыльки сгорают надо мной.
Тянусь, приподнимаясь на носочки —
Так шире горизонт. Мой след земной,

Как эти строчки – невесом, невидим,
Лишь против света силуэтом слов
Заметен глазу... Как металл иридий
Он тугоплавок, неземных основ.

Он признак. Тех основ, что не повергнуть
Векам в разруху. Не пустить в расход.
Основ, которым присягнуть на верность —
Единственно возможный мой исход.

На каждый час, на каждое мгновенье
Достаточно ли слов и тишины?
В чужих стихах, их строчках – откровенья,
Мечты и страхи, и чужие сны...

Одни горят – и грея, и питая.
Они сияют, разгоняя мрак,
Другие – мрак и стужу нагоняют...
Они живут... В моём, в иных мирах...

«Быть человеком среди людей, – ...»

Быть человеком среди людей, —
Пусть даже тяжело и не с руки.
Быть камнем, затворившим злобы реку,
Быть точкой, остановкой злой строки.
Быть частью света, даже в полумраке,
Быть песней о любви, не о беде.
Читать, да и писать живые знаки
Пусть даже вилами, пусть даже по воде.
Идти навстречу – ветру, мысли, чувству,
Не прятаться, не прятать, не ловчить.
И наполнять всё то, что было пусто,
И каждым шагом утверждая – быть!

«Ты вдруг поймёшь, что мир принадлежит...»

Ты вдруг поймёшь, что мир принадлежит
Тебе.
И вкус его солёный – тоже даром
Ты получил.
И звон чужой гитары,
И солнце в саксофоновой трубе...
И лёд – хрустящий, точно леденец,
В руке заплакавший от твоего участия...
И это всё – огромным словом «счастье»
Осмелишься назвать ты наконец...
Куда всем Римом русские бредут
Я не болею этим. Отболело.
Отплакалось, отпелось, улеглось.
Татуировкой не легло на тело,
А на душе – укрыто. На авось
Всё было сделано. Извечный русский принцип —
Во здравие авось, за упокой...
Когда не так давно Гаврила Принцип
Вскрыл вены миру твёрдою рукой.
Ещё сияло миллионам солнце, и свадьбы пировали,
Но Кюри исследовали радий, цезий, стронций,
И близился к паденью Третий Рим,
Предсказанному древними богами,
Но зарождалось новое в зерне,
Упавшем в почву, что под сапогами
Вдавилось в землю... В Мировой войне,
Начавшейся, да и не завершённой
До сей поры, пусть солоно хлебнув,
Однако выжил, трижды обречённый
Мой Рим советский. В горе есаул
Стрелял в коня, но, к счастью, промахнулся.
С философами белый пароход
Ушёл в закат, и берег изогнулся
Дугою вслед, а есаульский род
Добавил франкам кровушки кубанской,
Тоски и ухарства, чтоб загустела кровь.
А над войною пляскою цыганской
Кружил авось, и, изгибая бровь,
Подмигивал окопным батальонам,
Кричал «Ура!» и, кажется – «Вперёд!»,
Из дифтерийных выдирая плёнок
Последний выдох, вытирая рот
Чахоточным платком в кровавых пятнах
Застигнутым в отравленном бреду...
И было, как обычно, непонятно —

Куда всем Римом русские бредут...

Юрий Беридзе (Москва)

Как люто...

Как люто бьются бывшие свои —
природные враги так не умеют,
не в кровь, а насмерть, кто-то из двоих
живым не выйдет больше из траншеи.
Не суйся, третий – их не разоймешь,
друг другу не простят, что были вместе,
лицом к лицу сошлись, грудь в грудь,
нож в нож —
и третий между ними неуместен...

После взрыва

У пленницы рвануло,
разбросало чурбачки,
смотрят мертво в закоулках
их застывшие зрачки.
Хатка словно стала ниже,
в землю вжаться норовит,
пламя угол хаты лижет
и снежок у стен парит.
В закоулке пёс дворовый
тоже выкатил зрачки,
пляшет в них огонь багровый,
разгулявшись воровски.
И лежат почти у двери,
отраженные в окне,
безвозвратные потери,
непричастные к войне...

Но я не видел никого...

В часы затишья после боя
смотрел я в небо голубое,
но я не видел никого
из тех, кто штопает его,
кто там, у нас над головами,
насквозь простреленное нами

сшивает на живую нитку,
как лейтенант наш плащ-накидку,
кто там от края и до края
с небес нагар войны стирает,
чтоб мы хотя бы после боя
смотрели в небо голубое,
и чтоб прекрасное светило
над нами всё же восходило...

Поминать вечно

Храни друзей моих, Господь...
Ольга Бешенковская

Моих друзей Господь не уберёт...
Пытался – и отчаянно, но где там...
Их пот и кровь впитал мартиролог
текущего проклятого столетья.
Земля впитала, воздух, небеса,
душа моя впитала, заскорузнув...
У Господа на солнечных часах
сломались стрелки от такого груза.
У Господа исписана тетрадь
друзей моих простыми именами —
их нам обоим вечно поминать
молитвами и горькими стихами...

Нас просто так не взять...

Нас просто так не взять – и есть тому резоны:
нельзя без нас решить, что нам уже – пора...
Мы живы до тех пор, покуда есть патроны,
покуда кровь течёт еще из наших ран.
Мы кончимся, когда, последний сделав выстрел,
последней каплей крови оставим знак в пыли.
Мы кончимся тогда – решительно и быстро,
и примут нас ладони шершавые земли...

Слепцы

из отсека бээмпэ
не слышать поет капель
и не видно из отсека
как весна ступает в реку

омывает в ней ступни

окаянны наши дни

здесь в отсеке-скорлупе
каждый в сущности слепец
в слепоте закоренелы
видим только сквозь прицелы
и весны не видно в них

окаянны наши дни

Господняя причуда

Мы с Волги, Енисея, Камы, Дона,
Амура, Ангары, Десны, Урала...
Мы пережили сто армагеддонов,
когда дотла другие выгорали
и разлетались пеплом невесомым,
и выпадали в нети чёрным снегом,
а мы под громы всех армагеддонов
по Волге плыли Ноевым ковчегом,
мы плыли Ангарой, Десною, Обью,
и Енисеем, Иртышом, Амуром,
и снова становились – хлеборобы,
и снова становились – трубадуры.
Нас никогда и ничего не брало,
и новым нас не взять армагеддонам,
мы – с Волги, Ангары, Оки, Урала,
Двины, Амура, Вятки, Зеи, Дона...
Мы – русские. Мы были, есть и будем.
Мы русские – господняя причуда.

А нам-то какво

а нам-то какво, давным-давно убитым,
над вашей огневой висеть без сил в зените,
не зная, как помочь, как поддержать потомков,
а небосвод набряк, кровавится каёмка,
а грязный дым плывёт родной луганской степью,
и вновь шахтерский взвод стоит земною крепью,
стоит, как наш тогда стоял в войне великой —
и враг не совладал... и вас не победить им...

Нужен сорок пятый

Я хочу поговорить о датах.
Было бы лишь с кем да для чего...
Нам, ребята, нужен сорок пятый,
горький, но победно заревой.
Позарез он нужен нам, ребята, —
как земля родимая в горсти...
Только в этот самый сорок пятый
через сорок первый нам идти.

Ирина Горбань (Макеевка)

Опостылело

Опостылело все, надоело,
Но родиться обратно – не в силах.
Очертить бы окружности мелом,
Попросить бы о мире...
Просила...

Опостылели взрывы, обстрелы, —
Восстановит кто наши руины?
детворою где площадь пестрела, —
Две воронки, как две
Украины...

Опостылел докучливый ветер,
Что разносит домов пепелище,
Нет руины роднее на свете,
Но родню ветер в поле
не ищет...

Опостылел разряд канонады,
Под АК засыпаю в полглаза.
Если спросят, чего тебе надо?
Я скажу: уничтожить
заразу.

Опостылело все, надоело,
Только радует глаз первоцветье,
И палаты, белёные мелом,
И войною рождённые дети.

В зоне видимости

В зоне видимости – блокпост,
В зоне страха – многоэтажки,
Вне зонально – молчит погост
Он-то знает, что будет тяжко.
Поле выжженное чадит,
По стерне не гуляют птицы,
Враг непрощенный не щадит, —
Оголтело на город мчится.

В зоне видимости – Донбасс,
В зоне страха – дома пустые,
Брат на брата в Медовый Спас
Прет, да так, что водицей стынет

Кровь и в жилах, и по стерне,
А «братья» на гашетку давят,
Где песочницы – там верней, —
Стопроцентные попаданья.

В зоне видимости – АТО,
В зоне страха – моя земляца,
А над кладбищем вдовий стон
Будет слышен еще лет сто,
И стерня не заколосится.

Очередной раунд

Сотни раундов войны,
Сотни перемирий,
Ни победы, ни вины,
И обрыв все шире.

А над пропастью лететь —
Крылья обломаешь:
Треть войны и битвы треть, —
Где упасть – не знаешь.
Не орлы, не журавли,
Значит, горе-птицы,
Битву правят короли —
Как не удивиться?
На Майдане не юнцы, —
А отребье знати,
С пацанами – их отцы
Продолженье рати.
Их Бандера, словно бог,
Олицетворяет
Нищесбродство и порок,
А вокруг миряне
Глотки рвут и пойло пьют
не впервой с нацизмом.
Жаль, их мамки слез не льют,
Погуляв на тризне.
И гудит во благо зла
Бандерлогов песня,
Словно адова смола,

Зло кипит, хоть тресни.
Сотни раундов войны,
Сотни перемирий.
Только нет уже страны
В этом антимире.

Наталья Литвиненко /Перепелка/ (Донецк)

* * *

Не ищите града земного,
Не ругайте 20 век.
Мы увидим, честное слово,
Что не видел ещё человек.
Будем бледны, и гладны, и сыры,
Сгинем мертвы в изгибах земли.
И сего прекрасного мира
Больше уж не увидите вы.
И не будет уже человека,
Что судьбы уклониться страны.
Не бывает начала века
Без войны.
Неуместны права человека,
Как он хрупок, хладом палим.
Мир не знал подобного века —
До другого, что будет за ним.

* * *

Война присутствует намеком,
Как взгляд тяжёлый за спиной.
Она не только о высоком,
Но чаще в жизни бытовой...
Вот стол.
Вот хлеб.
Под град событий,
Под их победы и печаль
Простым вещам их вкус забытый,
Простым вещам их смысл сокрытый
Она способна возвращать.

* * *

В темноте, тишине и покое
Вечер начат. Конца ему нет.
Прилетело злосчастье лихое,

Разбомбило на улице свет.
Здравствуй, здравствуй, лучина уюта,
Бесконечный поток кружевной.
Я бы вышила знамя кому-то,
Да никто не торопится в бой.
Я бы вышила хоть бы платочек,
Чтоб его дорогому отдать.
Выйди во поле чисто, милочек, —
Разогнать супостатову рать.
Только сядет за горочку солнце —
Снова станут стрелять и лупить...
Но, одаренный, он не вернется,
Да и некому вроде дарить.
Где-то ходит, живой и счастливый, —
От меня его Бог уберег.
Или кто-то, такой же глазливый,
Подарил ему раньше платок...

Людмила Гонтарева (Краснодон)

* * *

Спаси вас Бог, мои друзья,
разбросанные по планете.
Сегодня на планете – ветер.
И о прогнозах вслух – нельзя.

Храни Господь всех вас простых
и сложных, и молчащих все,
чтоб в перезвонах Аллилуйя,
родился чей-то новый стих.

Поверьте мне: я помню всех,
легко даривших смех и слезы,
рифмосплетений передозы
и тишь в эфире среди помех.

Так хочется порой стереть
свою нечаянную память,
чтоб горький груз потерь оставить —
чтоб не позволить вам сгореть

от тонкостенной острой боли
за то, что вы всегда в ответе —
за мир в доме и белом свете,
за игры на чужом престоле,

за то, что (трудно взять мне в толк)
мы в разных оказались стаях...
Твержу, страницы лет листая:
Храни вас Бог, храни вас Бог...

* * *

Там – за углом – бомбежка.
Вышел из дома – ночь.
Где-то в душе окошко:
робкий призыв помочь
сырым и беспросветным,
отверженным и слепым.

На слово сегодня – вето,
от пламени сердца – дым
остался. Блуждает Данко
с беспомощным угольком
по городам-полустанкам.
Порыв его не знаком
ни близким и ни далеким,
ни осенью, ни зимой.
Грозят пустотою строки
с позиции огневой.
Над территорией снова
дождь бесполезный шел —
не грустный и не веселый,
безвременья грубый шов.
Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?
Громких томов – пустыня.
И только молчанье – вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.

* * *

Нас и для круглого стола
уже остались единицы.
В корзине времени – страна.
На кон поставлены столицы,
станицы и страницы книг —
успеть бы написать... Кто знает,
что впереди: минута – миг —
час – выдох – вдох – морозы в мае —
дожди январские – печаль —
закат – рассвет – портрет на полке?...
И как ни вглядывайся вдаль —
лишь контролер и остановки...
Знакомый, но чужой маршрут.
Привычна боль из ниоткуда.
В который раз куранты бьют.
Растут герои и иуды.
Кругами память по воде
расходится. Дрожат ресницы.
Успеть посеять рожь к среде,
чтоб осенью тебе присниться.
Успеть вскопать весь огород —
с картошкой мы перезимуем...

А там и время подойдет
твоим февральским поцелуям.

Марк Некрасовский (Луганск)

* * *

На войне срок любви не долог
Смерть-разлука рядом идёт.
Пуля ранит, убьёт осколок...
Это как кому повезёт.

На войне такие порядки:
Не планируй, живи, как в блиц.
Оттого любовь без оглядки.
Оттого любовь без границ.

Срок любви на войне не долог.
Это как кому повезло.
Пуля ждёт нас и ждёт осколок,
Но мы любим смертям назло.

* * *

Выстрел. Свист. И страх могильный.
Падаю, вжимаясь в землю.
Каждой клеткой не приемлю
Смерть свою от этой мины.

Взрыв. И снова перебежка.
Добежать бы до канавки.
Весь в крови лежит на травке
Парень, что слегка замешкал.

Шёл в поход он за водою.
Рядом с телом две канистры.

Оттого упал не быстро.
Стал поход его бедою.

Смерть привычна до рутины.
ВСУ и добробаты,
Словно здесь одни солдаты,
Убивают город мирный.

Скважина. Насос глубинный.
Каждый здесь получит воду.
Много ждёт её народу
Смерти, не боясь от мины...

Я с водою, я с водою
И лечу я над землёю.
Я счастливый. Быстрый, быстрый.
Это я лежу на травке
Рядом с телом две канистры.

* * *

Помнишь август? Взрывы ближе, ближе...
Город наш обстрелами распят.
В дом соседский, улицей чуть ниже,
К нам от «братьев» прилетел снаряд.

Что ни залп, то новые потери.
Боль утраты трудно передать.
После взрыва заживо сгорели
Внучка с бабушкой, отец и мать.

Бывший «брат» твердит, что долг солдата
Город наш от нас же зачищать.
— «Колорады», «террористы», «вата».
Всех под корень надо убивать.

Помним август. Защитили город.
На колени город мой не стал.
Но вчера стучала боль, как молот, —
В детском парке список прочитал.

В детском парке саженцев аллея,
И детей убитых имена.
Дерево Марины, дерево Сергея...
Не жалеет никого война.

* * *

«На войне бойцу не страшно» —
Это всё, конечно, ложь.
В ожиданье рукопашной
Режет сердце страха нож.

Но звучит сигнал атаки —
Ярость бьётся через край.
В штыковой смертельной драке
О пощаде не мечтай.

Насмерть брат дерётся с братом.
Не убьёшь – убьют тебя.
Ополченца с «добробатом»
Примирить никак нельзя.

Ты – защитник. Он – каратель.
Дьявол вновь устроил пир...
Плачет кровью Божья Матерь —
Отмолить пытаюсь мир.

* * *

Жизнь прицельным огнём распятая,
Каждый дом изувечен миной.
Перестало быть Хрящеватое
После этого Украиной!

Украиной, в которой Бандере
Весь почёт, вся любовь и вся слава,
Украиной, в чьей пламенной вере
Лишь нацизма бродит отравя.

Я не верю, что это традиция:
Вновь нацизмом расколота нация.
Чтоб запели Волынь и Галиция,
Если б их разнесла авиация?!

Михаил Афонин (Донецк)

Разговор с сыном

Поверь мне, сын,
Пройдёт немало лет,
Пройдёт немало зим,
Поймёшь, что ты – мой лучший в жизни след.
Живи звездой храним.

Свой город роз
Я подарю тебе.
Пусть он растёт с тобой.
Поверь, Отчизны не бывает две,
Иди одной тропой.

Ты этот мир
Откроешь, будто дверь,
Шагнёшь к своей любви.
Послушай, сын, и снова мне поверь:
Петлю и цепи – рви.

Наступит день,
И мой придёт черёд
Вдохнуть последний раз.
Тебе, мой сын, в наследство перейдёт
Дом, Родина, Донбасс.

Вторые сутки без неё (доктор Лиза)

Снова утро на моей планете,
Жёлтыми лучами солнце бьёт.
Но наряды чёрные надеты.
И вторые сутки без неё.
Станет день темнее чёрной ночи,
Ветер флаги надвое порвёт.
Не сумели, что могли закончить
На вторые сутки без неё.
И, укрыты сонными волнами,
Разудалых песен не поют
Те, кто с ней остались, а не с нами,
В невесёлом, но земном строю.
Дышит в спину жадный до монеты,

Прячет руки хитрое ворьё.
Снова траур у моей планеты,
И вторые сутки без неё.

Юнна Мориц (Москва)

* * *

У меня пороков – масса,
Признаю вину свою:
Независимость Донбасса
Признаю и не сдаю!
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
Что сравнимы с гитлерём
В древнем опыте моём.

Севастополя и Крыма
Признаю права – не зря:
Право их – промчатся мимо
Всех законов гитлеря!
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
К тем защитникам свобод —
Ненавидеть мой народ.

У меня пороков – стая,
Я – не бант на шее банд:
Не признаю никогда я,
Что Россия – оккупант!
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
Где спасла страна моя
Много стран от гитлеря!..

Никогда я не признаю
День Победы днём вины.
Русофобщина сквозная —
Сталин с Гитлером равны.
С отвращением особым
Отношусь я к русофобам,
К тем, которых бы от нас
Гитлер спас, как в прошлый раз,
Как в печах для низших рас!..

* * *

Иди, Россия, себе навстречу,
Себя не мимо – не в бездну бед,
Иди навстречу себе, как речью
Идёт навстречу прозренья свет!

Себе навстречу – с любовью, с нею,
Себе навстречу – во всей красе,
Свои просторы люби сильнее,
Где все народы России – все!

Себе навстречу – и нет сомнений,
Что воля к Жизни – твой Божий дар.
Себе навстречу – живучий гений,
Чья сила держит любой удар!

Себе навстречу – не всем, кто просит
Тебя идти – топором на дно.
Иди навстречу себе, не бросив
Себя, как было не так давно!..

Себе навстречу, народ народов,
Себе навстречу – не западне,
Где по наивности сумасбродов
Другие страны давно на дне.

Себе навстречу – с любовью, с нею,
Себе навстречу – как свет сквозь мрак,
Свою огромность люби сильнее,
Себе навстречу – и только так!

Себе навстречу – себя не мимо,
Себе навстречу – не мимо Крыма,
Себя не мимо – не сдай Донбасс,
Он – знамя всех, кто не сдали нас!

О любви

Что знает о любви ликующий злодей,
Сжигающий живьём полсотни душ в Одессе,
Желающий Донбасс очистить от людей?
Что знает о любви погром и мракобесье?

Но требует любви – к себе! – такой урод.

Но требует любви – к себе! – такой преступник.
И любит горячо Европа этот сброд,
А я люблю Донбасс, он этот сброд пристукнет!

Кто требует любви? К кому и от кого?
К убийцам Бузины Олеся?.. К поголовью
Ублюдков, чьё сейчас в Европе торжество,
И любят их взасос, пылая к ним любовью?

Я тоже полюблю фашистов, их гульбу,
Их зверскую борьбу, но с маленькой поправкой, —
Фашистов я люблю, когда они в гробу,
Зарыты глубоко – и зарастают травкой.

* * *

Санкции – разве они из-за Крыма?
Врёте! А чистая правда без грима —
В том, что покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!

Санкции будут плодиться, как мухи, —
Поводов для русофобской чернухи
Столько, что бесится санкций братва,
Сколько столетий Россия жива!

Санкции будут за вдох и за выдох,
Будут они в нескончаемых видах,
В олимпиадах пылать, как дрова, —
Всё потому, что Россия жива!

Санкциям если назначили цену,
Чтобы они подлежали обмену, —
Значит, у сделки цена такова:
Чтоб не осталась Россия жива!

Санкции – разве они из-за Крыма?
Их нескончаемость необозрима,
Только не будет у них торжества, —
Крым торжествует – Россия жива!

Премиию – санкциям, премию Нобеля
Дайте за то, что они не угробили
Нас – и, покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!

Нина Дернович (Молодогвардейск – Атамановка)

В огне

Снять собирается земля
За лето выцветшее платье.
А кочковатая стерня —
В предчувствии беды – пылать ей.
На всполохнувшие поля,
Глядят заплаканные травы:
Огонь и дым, глаза болят.
Идёт орда, орава.

Стащили платье у страны,
Соврали и сорвали сразу.
И оцетинились мослы
Без крепких и надёжных связок.
Пожарище со всех сторон.
И крик: «Спасите наши души».
Беспомощно пылает дом,
Одна шестая – суши.

Отары пастуха винят:
Завёл их в дебри, не подумав?
Пастух – не промах: на коня
Вскочил и выпрыгнул бесшумно.
Но ярь огня пора унять,
Понять – овины в чём повинны?
Горит стерня от ячменя,
В огне Абхазия, Чечня
И Украина.

Лучших не досчитаемся

Зло неприятия других – не вечное.
В майданной копоти земля шатается.
Война гражданская – бесчеловечная.
Так горько – лучших не досчитаемся.

Никчемность чванится, а души узкие.
Их урезонить, понять пытаемся,
Мы терпеливые, мы – люди русские.
Но горько – лучших не досчитаемся.

Мы земляки, мы друзья – соратники
Клянёмся кровью и ей братаемся.
Пусть «колорады» зовут нас, «ватники»,
Но горько – лучших не досчитаемся.

Глазам не мил камуфляж оливковый.
Снарядов бешеных степь наглотаётся
И превратится в пустырь суглинковый.
Так горько – лучших не досчитаемся.

Растает лёд, захлебнутся выстрелы,
С фашистской сворою мы расквитаемся,
И нашу степь разноцветьем выстелем,
Но горько – лучших не досчитаемся.

Мы будем жить и любить неистово,
Что допустили такое, каяться.
Отгромыхают, утихнут выстрелы,
Так горько... Лучших не досчитаемся.

Дорогие мои земляки

Я вернулась в своё захоlustье,
Где тропинки былём поросли.
Здесь под яблонькой, – не в капусте,
По преданью, меня нашли.

Нет удобств. Хлеб – три раза в неделю.
Старики, как замшелые пни.
Но всё так же в степи алеет
Цвет лазоревый в вешние дни.

Всё такой же Донец красивый.
И надеюсь – мне будет рад
Одичавший и сиротливый
Бабы Лёли – покойницы сад.

Не хочу, чтоб стоял в запустенье,
Пусть и ветхий, но гордый курень.
Это – словно моё воскресенье
И второго рождения день.

Может, правда, что поступаю
Смыслу здравому вопреки?
Но живут ведь, сады сажают,
Землю пашут, детей рожают

Дорогие мои земляки.

Здесь мой край. Те же лица родные.
Жизнь, как миг на крутом вираже.
Лица те ж. – Имена другие.
Поколенья сменились уже.

В Приднестровье родное вернулась,
Здесь запнулся мой взгляд о ковыль.
С головою в Донец окунулась,
Словно смыла дорожную пыль.

Марина Орлова (Донецк)

* * *

Утро за окнами. Что-то особенно громко
Били сегодня по городу чем-то тяжелым,
Ахнуло гулко под сердцем у старенькой школы...
Десять минут на машине – до огненной кромки.

Стекла дрожат в переполненной светом квартире,
Люстра качается, словно при землетрясенье...
Лето еще одно – от сотворения мира —
Яркие желтые листья и ветер осенний...

Город привык к ежедневной почти канонаде,
Гул в небесах приучает не вздрагивать плечи,
Трудно поверить, но здесь мне спокойней и легче,
Чем в многолюдной Москве, окольцованной МКАДом...

Там все слышнее английский, немецкий, турецкий,
Тут говорят на исконном в простуженных классах...
Только столица сейчас прорастает в Донецке,
Как и Великая Русь – прорастает в Донбассе.

Донецкий ветер

У нее на огне кастрюлька со снегом талым,
Без воды две недели, но все говорят – ненадолго,
У нее на окне подушка и одеяло,
Если что, на себя они примут стекла осколки.

За порогом война, она – все четыре года —
Бьет по южному городу гулким тяжелым градом,
И в снегу перезревшая веточка винограда —
То обстрелы собрать мешали, то непогода.

Эта песня слагалась там, где ветра певали —
Сквозь тягучие волны прошлых тысячелетий,
А сегодня земля в окопах, земля в металле,
Но над степью снова вольный гуляет ветер!

Металлический век – и в небо летят снаряды,

Беспощадный век бетона и твердой стали,
Но как прежде вьется ниточка шелкопряда,
И луга цветут, и земля рожать не устала...

У нее на столе портрет в золоченой раме,
И она на него глядит – так глядят на иконы.
У порога глубокий след – от осколка шрамы,
У войны свои рубежи и свои законы.

Но звенит эта песня там, где ветра певали —
Сквозь тягучие волны прошлых тысячелетий,
Пусть сегодня земля в окопах, земля в металле,
Но над степью – снова вольный донецкий ветер,

Вольный ветер парит под солнцем на крыльях птицы,
Вольный ветер взмывает вихрем и круговертью...
Отчего у здешних людей так прекрасны лица?
Отчего у здешних людей так красивы дети?

Владислав русанов (Донецк)

* * *

Неидуший пути не осилит,
негорящий не будет в тепле,
а мне нравится ездить в Россию
по раздолбанной в хлам колее,

по гребёнке, накатанной танком,
по просёлку, где в пояс полынь
по шоссе, где чернеют заплатки,
прячут оспины этой войны.

Тень дубрав и берёзок курсивы,
ширь полей и пригорков венец.
Открываю я снова Россию,
как влюблённый и жадный юнец

Зачерпну я Россию горстями —
синь небес, духовитость земли,
от церквей до дворцов с крепостями,
величавость обеих столиц.

От Камчатки до Калининграда,
от ледовых широт до пустынь
всё в России мне свет и отрада —
я – её заблудившийся сын.

2018

* * *

И жил как жил,
бездумно смел,
последних жил
беречь не смел.

Не гнул хребет,
не кланялся
на зло судьбе-охальнице.

И в радости,

и в горести,
умел нести
добро в горсти.

Мог дать на хлеб,
а мог дать в глаз.
Жил на земле
не напоказ.

Умел врагам
смотреть в лицо,
жаль, не долга
тропа бойцов

И в горле ком,
и в небо залп.
Земной поклон
на образа...

2018

Деду

Войдя в пике в подбитом «Яке»,
ты пел отчаянно «Катюшу»,
в последней, яростной атаке
до пепла выжигая душу.

Идя ко дну во чреве «Шуки»,
до срока расстреляв торпеды,
знал – неродившиеся внуки
не предадут твоей Победы.

По полю мча в горящем танке
вслепую, в лоб немецким ДОТам,
ты знал – на этом полустанке
простой рутинною работой

всего советского народа
хребет фашизму будет сломан.
А может, где-нибудь у брода
или в смоленских буреломах...

Плечом к плечу, один из многих,
встал за свободу и Отчизну
и жизнь, сложившуюся в подвиг,
считал обычной скучной жизнью.

Но память выцветшим конвертом
расставит все как надо точки —
и через годы в строй бессмертный
войдёт твой путь отдельной строчкой.

2018

* * *

Наши плечи так хрупки —
не атланты, не боги.
Выпадает минутка
отдохнуть по дороге.

Наши нервы так хлипки —
Не стальные канаты.
Что кому-то улыбки,
то кому-то – утраты.

Наше долготерпенье
Не из огнеупора.
Из щебёнки, кореньев
и подножного сора.

Мы – простые невежды,
верим в бредни и сплетни.
Только знаем – надежда
умирает последней.

2018

Светлана Сеничкина (Луганск)

* * *

Пятую чашку чая
Налью, хоть уже изжога.
Новости б лучше не знать,
Да снова полезу в соцсеть.
Если все это не сон,
То, значит, на свете нет Бога.
Или он спит,
Или снова включил ТСН¹.

* * *

А в Луганске сегодня ветер
Осыпает липовый цвет,
На качелях смеются дети,
И войны здесь как будто бы нет...

* * *

Чёрный – это цвет моей зимы.
Чёрный – это цвет моей земли,
Зябнет и (от холода ль?) дрожит,
В эту оттепель оставшись голой.
Белый – это цвет моей любви,
Белый – это тихий свет молитв,

Просят землю уберечь, укрыть
То ли снегом, то ли омофором.
И вовек, в любые времена,
В мире есть лишь только свет и тьма.
И стираются полутона,
Когда «грады» накрывают город.

---

¹ ТСН – «Телевізійна служба новин» – новостная передача одного из самых лживых украинских телеканалов.

Сергей Тесла (Донецк)

Национальный вопрос

А ты спроси национальность
у девочки в бронежилете,
что нежностью своей прижалась
к истерзанной войной планете,
чтоб из горящего окопа
успеть стащить у смерти парня —
не для тусовок или спальни,
а чтоб не радовать «укропа»
еще одной донецкой смертью...
вы паспорт у нее проверьте,
а вдруг она как раз еврейка
или чеченка, или сербка,
ее дожись тут, на скамейке,
и если выживет – проверь-ка,
а вдруг та самая, что летом
пришла к ребятам в камуфляже —
нет, не искать свою пропажу,
а за свободным пистолетом,
а лучше даже автоматом...
зачем? она б сказала матом,
но слезы говорить мешали...
ну, в общем – автомат ей дали,
родителям не возвратили —
их на ее глазах убили,
снарядом дом разворотив...
ей было некуда идти,
она парням еду варила,
бинты стирала и мотала,
жила в окопах и стреляла,
и о любви не говорила —
сепаратистка, рашка, вата, —
она взяла свою гранату
и с нею бросилась под танк,
когда он шел ребятам в спину —
ей смерть была великовата,
но эту чертову машину
она остановила так...
ее как раз спросить забыли,
каких она была кровей;
тут кровь донецкого разлива,
и в мире нет ее верней,

она бурлит в котле донецком,
увы, уже не первый год,
так появляется на свете
особой крепости народ.

Владимир Скобцов (Донецк)

Мой рай

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.
Его судьба – нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.
Был столько раз оболган, продан, предан,
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и родину свою.
Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого не ставил на колени,
Поскольку никогда не станет сам.

Звездопад

Не будь атеистом
в канун звездопада,
здесь звёзды так близко,
что спичек не надо.

А будь альпинистом,
при ясной погоде
здесь небо так низко,
что в небо уходят.

Уходят, да только
любимые люди,
их меньше настолько,
что больше не будет.

Последнею долькой
надежды на блюде
здесь горе так горько,
что горше не будет.

Скажи себе строго:
– И хуже бывало.
И боли так много,
что водки всё мало.

Не будь атеистом,
душа не блудница,
здесь к Богу так близко,
что грех заблудиться.

Час бессмертья

Сюжет «За родину!» не нов,
не бабы плакать,
успеть сказать: «За пацанов!»
у чёрта в лапах,
в стране, помноженный на ноль,
под братских свист пуль,
от диалектики такой
Карл Маркс присвистнул.

Врагу не сдавшийся Варяг,
сдан за бутылку,
кто за пятак, а кто за так,
кого в Бутырку.
Былых побед отцовский флаг
под смех на тряпку,
в аду на радостях аншлаг,
аж Гитлер крякнул.
Любовь Иуды пригубя,
во тьме бессилья
навеки верящим в тебя
молись, Россия.
Где на часах бессмертья час,
стоит без смерти
в чертей не верящий Донбасс
идохнут черти.

Григорий Егоркин (Челябинск)

Старик, не злись...

Старик, не злись, что день ненастный,
И льёт в начале сентября.
Не говори, что всё напрасно,
Коту под хвост,
Впустую,
Зря.

Ворчать и хмуриться не нужно,
До срока подводя итог.
Поверь, браток: твой отпуск южный
Вполне себе имеет прок.

Раскрой пошире шкафа створки,
Там троек нет последних мод.
Зато в твоей линиялой «горке»² —
Хоть на рыбалку, хоть в поход.

А что ещё скрывают дверцы?
Не фрак, не шляпу-шапокляк.
Там просто берцы.
Ну, а в берцах
Копать картошку удобняк.

Темнеет тюк на полке дальней.
Подушка? Плед? Ковёр? Матрас?
Теперь армейский ватный спальник
На даче будет в самый раз.

Ещё один в бюджет семейный
Отметим несомненный вклад.
Возьмём штык-нож.
Твой нож трофейный
Отлично режет сервелат.

КомпАс, что взводный после боя
Вручил за ратные труды.
С надёжной штукою такую
В лес можно смело. По грибы.

---

² «Горка» – разновидность камуфлированной формы.

Под квас пошла пустая фляжка,
Под инструменты – вещмешок,
На ветошь – старая тельняшка...
Видал, какой выходит прок!

.....

Ещё есть сны.
Про след ракеты,
Про посвист мин, земную дрожь,
Про вкус последней сигареты,
Могильный холмик...
Ну и что ж?

Зачем, дружище, супишь брови?
Отставить! Обойдёмся без.
В чём толк от снов? Какой с них профит?
Ни в дом с собой,
Ни в сад,
Ни в лес.

Виктория Шатохина (Донецк)

Метроном

В заброшенном доме далекой окраины,
Где мира давно уже нет,
Остались там трое: часы
и собака,
Да дряхленький, с палочкой, дед.

Там время живет по законам
особым,
Надломлены стрелки, ворчат.
Соседи ушли, не осталось
знакомых,
А деду хотелось внучат...

Среди тишины, нарушаемой взрывами,
Проходят минуты и дни.
Ненужная, горькая, жизнь
опостылая,
На всем белом свете одни...

Под пулями завтраки, чаем
запитые,
Под мерное тиканье сон.
Судьба покатила часами разбитыми,
Как страшен твой стук, метроном...

Донбасс, ты не был таким седым...

Донбасс, ты не был таким седым,
Что стало с тобой, родной?
– Мне выбелил душу снарядов дым,
Сирен неусыпный вой.

Донбасс, скажи, кто принёс
беду?
На землю моих отцов...

– Я маюсь, пытаюсь понять
орду,
Воюющих злобных псов.

Донбасс, ты будешь ещё
другим,
Развеется дым войны...
Донбасс, я помню тебя
живым!
Я помню другие сны...

Мой город роз

Я засыпала под огни большого
города,
Мне снились радуги и теплые
дожди.
Я улыбалась по утрам совсем без повода,
Огни погасли... сны остались
позади...
Разбитых стекол странные
узоры,
Рисует градом в небе черный
дым.
На перекрестках – не цветные
светофоры,
Мой город... так внезапно стал
седым...
Проспект вечерний непривычно
тихий,
На кухне, с чаем... комендантский
час.
Изранен город... чья-то злая
прихоть,
Аллеи роз сменила на
фугас...
Я засыпаю без огней родного
города.
Храню осколки света в снах и
жду...
Когда проснусь, и улыбнусь без
повода,
Мой город роз... не сдавший
высоту!

Дым

Дым... черный дым над столицей...

Медленно гаснут души,
Пеплом стирая лица.
Кто нас теперь потушит?
Кто отмотает время
В точку до невозврата?
Кто же вернет нам веру
В то, что уже не свято?
Снег... белый снег над столицей...
Ветер в пустые стекла
Мертвой стучится птицей.
Плачет страна... промокла...
И до крови избита.
Дым... черный дым... и все же...
Снег... ведь он чистый, белый.
Может, вернет нам души,
Те, что продать не успели...

Андрей Соболев (Севастополь)

Последний день августа

Враг лезет в окна, ломает двери,
Он ждет, что выкинем белый флаг.
Несем потери, несем потери.
И ждем, что скоро устанет враг.

Они не братья уже по вере,
Хоть крест над нами, пока, один.
Несем потери, несем потери,
Господь им больше не господин.

В соседних землях, в краю истерик,
Вину приписывают Кремлю.
Несем потери, несем потери,
Я негодную, и я скорблю.

Иные люди страшней, чем звери,
А кто для зверя, скажи, судья?
Несем потери, несем потери.
От рук людей, что хуже зверья.

Ну, на каком еще нам примере,
Понять, что гибнет там наш народ?
Несем потери, несем потери,
Пора заканчивать скорбный счет.

* * *

Завтра едем в зону обстрела,
Песни петь у смертельной межи.
Говорят: – Не твое это дело.
Ну а чье тогда дело, скажи?
На опасность твой нюх не развит?
Ты же зряч, говорят мне, не глух.
А живущим там легче разве?
Или тоже притуплен нюх?
Говорят, что песней не лечат,
Разве легче с ней помереть?
А живущим там разве легче,

Чем тому, кто приехал попеть?
Песня многих по миру катает,
Но не всем по плечу этот труд.
Там, где песня, – смерть отступает,
Не стреляют там, где поют.
Я богатств с песней не обретаю,
Не торгую ей, как куркуль.
Я оружием ее считаю,
Песня часто весомее пуль.
Ну и что, что спою в подвале?
Ну и что, что вокруг война?
Если с песней меня позвали,
Значит, песня моя нужна.
Всяк в любви клянется умело,
Что готов рядом встать в бою.
Приезжайте в зону обстрела,
Докажите любовь свою.

Лаура Цаголова (Москва)

* * *

Мы ничего не позабудем!
Ещё устанем вспоминать...

Последний здешний выдох труден,
но легче надобность принять,
что старослужащее тело,
собой ничуть не дорожа,
ушло в снега, когда взлетела
износостойкая душа.

Лишь только точности секундной
застыла фосфорная дрожь,
Господь приметил: «Неподсудный!»
И смерти выдохнул: «Не трожь!»

Я для чистилища сугроба —
дитя в армейских пеленах.
Мне не прочувствовать озноба
сопровождающего страх.

Мне ведомо, чего же ради!
С лентой бывалого бойца,
смотрю на трещину в прикладе,
разросшуюся у лица.

Срок ожидания оплачен.
Тут каждый, что ни говори,
по жажде правды равнозначен
твердыне Храма-на-Крови.

По переключке русских судеб,
по знамени над блок-постом...
Мы ничего не позабудем
из ночи...
...перед
...Рождеством.

2019

Русское поле

...Донбассу...

Как уголь чистит белых лошадей,
так теменью сугробы намывает.
Ты этой белизною завладей!
Присвой её путём, что огибает
домишек поднебесные горбы,
пригревшие попадавшие звёзды!
Расходятся окольные столбы,
обещанные выстуженным вёрстам.
Вот-вот навстречу вспыхнет огонёк
халупы, где смотритель станционный
раздует самоваристый чаёк
и разговорчик одухотворённый.
И примется потрескивать в печи
янтарь слезы зарубленной осины.
Чудак-старик! Захочешь огорчить, —
он будет улыбаться, что есть силы,
перечить долгим кашлем небылиц,
косясь на употелое окошко,
в котором пляшут призраки возниц,
протаптывая лунные дорожки.
Счастливый сон, из тех, что рождены
на самом звучном вздохе обрываться!

Стоит зима. И пятый год войны.
И хлопья закопчённые толпятся
(провидя причитания родни,
сплочённой у могильного обрыва),
как будто их оставили одних
в защитниках небесного призыва.
Да в поле, повидавшем чужаков
за сотни лет до нынешней осады,
Архангел Пушкин к подвигу готов,
с весёлой обречённостью солдата.

2018

Неуставное

Смерть запасается жизнью по самое не балуй...
Жадность сгубила фраера – не её!
Смерти нужна передышка... Сегодня не атакуй!
И завтра сиди, считая по осени вороньё.

Два дня и две ночи вот этот влачи окоп,
что недавно служил надёжей неврастенику с той стороны.
Ухмыльнись, мол, чётными могут быть капли цветов на гроб
в истории человечества и в обиходе войны.

Здесь враг вчера трескал тушёнку с прадедова ножа.
У твоего был такой же в точности – злая трофейная сталь.
А сегодня пропащей дурую бликует врага душа.
И ты заедаешь тушёнкой слезливое слово «жаль!»

Два дня и две ночи не будет тебе беды,
кроме одной перестрелки и мороси затяжной.
Смерти нужна увольнительная наградою за труды,
за то, что ударно пополнила список свой послужной.

И ты, балагур, напоследок все нервы в себе задрай.
Какой-никакой, а Тёркин (по линии родовой).
Советский поэт Твардовский с похожим освоил край,
который на небо выше, чем нынешний адрес твой.

Два дня и две ночи... Нежданная сказка-блиц!
Иная реальность сгущаясь рябиновый давит сок.
Земное креплёное пойло – отрава для райских птиц,
а нашим шальным – возможность разношивать голосок.

Смерть запасается жизнью, как перед спячкой зверь.
Будет во сне по косточкам разбирать.
Лучше её не трогать, не окликать, поверь!
Может, на время забудет, как тебя величать...

2018

* * *

Успеть бы погулять-довоевать
в последний день мальчишеской свободы!
Я вижу, как заботливая мать
в планшет отцовский прячет бутерброды.
Я думаю, что скоро будет бой,
а внук соседский – ябеда-отличник,
окажется с разбитою губой,
как диверсант, захваченный с поличным.
А после... Задушевный разговор.
И дружбы фляга с крепкой родниковой
под клятву в том, что с этих самых пор
о тайне неприятельства – ни слова.
Каникулы – нехитрая игра,

весёлая, как свист на голубятне.
Мы выдавали счастье на-гора
и на рубашках солнечные пятна.
А после будут школа и дожди,
и хрусткий снег, и вербочки для Пасхи.
А после...
Стоп!
Былое, подожди!
Чем дальше, тем опасней без опаски.
Нельзя тебе на взлётную тропу!
Здесь нас таких – потомственная стая.
Здесь черти лето видели в гробу!
И летних поимённо выбивая,
надеялись на обморочность вдов...
На перепалки некогда сплочённых...
На немоту выносливых дворов,
вмещавших добровольцев отягчённых
смертельной ношей...
Помнится, отцы
наследников сажали на заливки,
а нынче взгромоздили сорванцы
своих взрослений ратные обрывки
на плечи остающихся в живых
по контурам спасительной Державы.
Несите нас, уже вневременных,
«Донецким морем» райской переправы!

2018

«Ватник»

Тому бывает проще,
кто ростом невысок.
Разбужен в тихой роще
свинцовый голосок.
Надламывают ветки
осколки-шатуны.
Твердит незримо меткий
пословицы войны.
На этой судной точке
сегодня горячо:
несметные цветочки
редеют за плечом.
А твой окоп – кусточек,
с таким не пропадёшь!
А ты ему – сыночек,
не первый из алёш,
не первый из иванов,

не первый из данил...
Прицельно дул на раны
архангел Михаил,
чтоб ты, слабея даже,
хрипел «Христос Воскрес!»
...Ругнулся суржик вражий,
и махом вышел весь.
Архангел чиркнул спичкой,
не грех перекурить:
солдатик-невеличка
успеет вечно жить.
Помятой папироски
резервный табачок,
что солнечные блёстки,
попавшие в сачок.
А ты душой ребёнок,
двухсотый из двухсот...
И жаворонок звонок
на клиросе высот!

2018

Песня Горловки

Пустующих дворов тетрадные листы
осваивают дробь дождливых сожалений.
Там, очень высоко, где помыслы чисты,
от нас уже не ждут особенных умений.
Сноровки узнавать о главном между строк
не требуют творцы заоблачного «вкратце».
Нездешний мир привык додумывать мирок,
в котором без нужды опасно оставаться.
В котором летний день зашторил домосед
в надежде, что беда не тронет безразличных.
В котором тридцати серебряных монет
хватило, как-то раз, для низости публичной.
Какую темноту способен ободрить,
набравшийся чужих сомнений лжеапостол!
Здесь сто потов сошло с летящего бомбить.
За несколько минут... Покрытая коростой
кровавой суеты, древесная кора
не ведает имён заучивавших стоны.
Как яблочки с ветвей срывала детвора,
так срезало огнём антоновские кроны.
И смерть взяла своё наградой за нужду
в посредниках ходить, склоняясь над телами.
То был не самолёт, а дьявольский мундштук,
что взвился попытеть и сгинуть за домами!

А в страшной тишине слезы небесной ком
рассыпался на рой посеребренный город...
Сегодня снова дождь! Он снова о былом.
Мол, это прошлый век разрывами исколот!
Как-будто не теперь нас выбрали на убыль.
Как-будто весь июнь – счастливый выходной.
Тетрадочки дворов листают жизнелюбы,
и простенький сюжет рифмует Проливной:
«Надежда есть... кап-кап..., пока непризывные
горазды выметать осколочную пыль.
Надежда есть, пока на вспышки грозовые
бросается... кап-кап... отчаянный мотыль.
Пока спитой чаёк старушки пригубили,
да пахнет молоком внучатая душа...
Пока ещё... кап-кап... с ума не походили,
подвальной теснотой уставшие дышать».
Сирена голосит, как вдовы у могил.
Протяжному вытью не знаешь, что ответить.
Хватило бы дождя на то, чтоб сочинил
невидимый Господь, что нет войны на свете!
«Надежда есть... кап-кап...»

2018

Правила русского боя

Не мудрено продержаться до полночи.
Но жизнь оказалась тесной.
Убитый сержантик артачился:
«...Сволочи!
Вот вылежусь и воскресну!
Явь, кроветворной страдая жаждой,
чёрной вдовой хлопочет.
Как помертвею, дойду ведь до каждого,
каждому напророчу!
Тяжко божиться губам перекошенным,
злостью пересолённым?
Думали, сгину свинцом огорошенный,
стихну раздушевлённый?
Думы разбойные отроду слепы,
а нежилыцы – зрячи.
Ангел срывает чеку с неба.

Он – это я, значит...»
В поле, где бился последний воин,
хлебное будет лето.
Птахи зацарствуют у колоколен...
Смерть оказалась светом.

2018

* * *

Моей России вечность лет.
И с незапамятных наитий
в медовых зорях бересклет
хранил обветренные нити
богоугодных паутин.

На них нанизывали росы
ночные выдохи долин,
хвалённых буднями покоса.
Церквушки тёсанный утёс
пророком слыл за норы звонкий.

Купели ласточкиных гнёзд
каймили людные хатёнки
под солнечным веретеном,
натруженным шепталкой рода.

На блюдечке берестяном
светились грошики дохода:
всё выжидали лучший день,
когда зовут на пир поминный
старейшин ближних деревень.

Плестись походочкой утиной
задирам ратной старины.

По сторонам от вереницы
герои будущей войны
глазеть сбегутся на петлицы...

Освоятся бородачи
за разносольными столами,
затеют крестников учить
не в меру крепкими словами.

А после бабы запоют,
наохают заупокойно.
И этот плачущий уют,
подмога думе колокольной,
занянит душу мертвеца
до первой радости младенца.

Жизнь продолжается с конца,

растёт у Млечности под сердцем.
Спешит Небесный Краевед
из милости проговориться:
– Моей России столько лет!
Здесь Рай был некогда столицей...

2018

Александр Сигида /младший/ (ЛНР)

Цвет извне

Они, мой милый друг,
и драгоценный враг мой,
Питаются страданием и кровью пролитой;
Они живут внизу, под раскалённой магмой,
Скрываются под литосферною плитой.

Как жадно они ждут! Как много лет они
Подсказывают марш
для флейты Крысолова;
А сами, в звуке сатанинских литаний,
Насытившись, парят
над пустотой лиловой.

Соратники! Враги! Вы гибли
не напрасно:
Дрожит от наслаждения
прожорливый ифрит;
Но дармовой поток пьянящей
влаги красной
Запросы всё же их не удовлетворит.

Питательней белка и слаще лимонада
Тот самый цвет извне,
ценимый демонами ада.

* * *

Африканец уже в Валгалле,
Подают валькирии мёд.
Этот рай вы завоевали.
Кому надо понять – поймут.
На пути из Варягов в Греки
Мы тащили свои суда,
Находили леса и реки.
«Эй, стой там и иди сюда!»
Одноглазый полковник старый,
Их поглавник и командир
К межэтническим холиварам

Равнодушен: «Доблестным – пир!»
Криминальные авантюристы,
Праволевые всех мастей,
Футуристы и фаталисты —
Где найдете таких гостей?
Если есть пространства иные,
Живы русла у скифских рек,
Значит, сбудутся позывные
Африканец, Варяг и Грек.

Жертвоприношение

Нет контрибуций или прощений,
В потоке железном жертвоприношений

Кругом кибер-панк, лоу лайф, хай тек;
Но каждый в душе – индеец-ацтек.

Вечно голодные боги Карбона,
Шевелятся щупальца – змеи Горгоны;

Девы-горгульи багровый рот,
В Минске-Моргуле, у Чёрных Ворот.

Вырежу в дереве руну Беркана,
В память защитника Желько, Аркана;

Вырежу в камне руну Совуло —
Чтобы погибли сыны Вельзевула;

Соединю их руной Одаль,
Словно слова датчанин Даль.

И завершу руной Эйваз,
Чтоб не ушёл ни один из вас.

Миссия легата

Из сарматских степей возвращался легат,
Он не видел давно Рах Романа;
Голубые меха, и янтарь, и агат
Были даром Царей-наркоманов.

«Собираются вместе под сводом шатра
И бросают зелёное зелье

На горячие камни, на угли костра,
И в дыму продолжают веселье».

«Будь спокоен, о Август! Радей об одном:
Мир в Империи долго продлится,
Если будешь ты слать караваны с вином
На Дунай, где степная граница».

На Сицилии, в тени оливковых рощ,
Удалившись от Рима и власти
Опочил мой легат, а Империи мощь
Уменьшалась, при смене династий.

«Я слышал, что Аттила не любит вина.
Оттого, что сильнее опьяняет война».

Безумие, вышедшее из моря

Но есть и новые миры:
Они отмечены, наверно,
Разломами земной коры
И извержением инферно

Где вырождающихся рас
Сонм баснословных культов рабских —

Туда иду я, как Леграсс,
Среди разнузданных, арабских

Наркотогровцев, до поры
Рассеянных – без общей цели
И населяющих миры
Мультикультурного Марселя,

Где, знаю, демон войн покинет свой
Приют постылый, многовековой.

Анна Ревякина (Донецк)

* * *

Вослед шипели: «Гордячка...»
Евдокия – дочь горняка и сама горнячка
обушком по-изотовски,
оставляя в земле полости,
на-гора поднимала гору,
поднимала город
с колен, на которые он не стал.
За кварталом квартал, за кристаллом кристалл.
«Крепи, – кричит Королёва-мать, —
мы крепки, нас никому не взять,
не размазать оземь, мы и есть земля,
земля Шубина, земля чёрного короля!»
Под косынкой косы – чёрное серебро.
Евдокия – не женщина, не косточка, не ребро.
Евдокия сама по себе хребет.
Говорила так: «Пашка-то наш поэт,
остальные рифмуют, но не до мяса и позвонков,
а у Иванова гляди, как отскакивает от зубов.
Не вешай нос, лампонос, прославишься через век,
будет время другой войны, будет в розах снег,
но уголь во все времена чернее чёрного, сам мрак.
Что стоишь и топчешься, заходи в барак!»
А в бараке свет изо всех щелей
да углы, что всех углов углей,
уголёк потрескивает в печи.
Сколько же в Донбассе ещё будет сволочи.

* * *

Осторожно, двери закрыты, водитель сосредоточен,
пассажиры смотрят в окна, как убегают обочины.
С шакальей улыбкой миномётчик выпустит мину,
громко крикнет «За Україну!»
Раньше за Украину пили, закусывали, а теперь убивают,
миномётчик улыбается миномёту, говорит: «Баю-баю...»
Спите, суки, босоногие сепары, русские пропагандоны,
а я, моторный, поїду додому.
А ви вже приїхали. Выходите, чего разлеглись-расселись,

миномётчик будет улыбаться, пока не заболит челюсть.
Миномётчику скажут дома: «Розкажи нам, Рома,
вони насправді зайва хромосома?»
Рома кивнёт, дотронется до ямочки на подбородке,
попросит борща с чесноком, чёрного хлеба, водки,
и расскажет о том, как миномёт с первого выстрела
дал осечку.
Мама заплачет: «Боже мій, як небезпечно!»

* * *

Человек – это хрупкая глина,
особенно,
если этого человека зовут Полина
Григорьевна.
Моя домработница
вспоминает, как раньше
её, красивую и волоокую,
мать возила по санаториям,
по различным водам,
а теперь она одинокая
моет чашечку, содой
чистит ложечку мельхиоровую.
И некому позвонить в «скорую».
Сын её Юра женился рано,
жена его, дура,
работает в бухгалтерии ресторана.
Внуки моей Полины – студент и школьница.
И никто о моей Полине не беспокоится.
Полина ко мне приходит по понедельникам и четвергам,
я иногда пишу о ней в Instagram,
иногда добавляю сверху сотенку-две,
уходя в союз, кладу их на обеденный стол.
Полина вздыхает, крестится: «Будет на корвалол».
У Полины большое сердце и ещё много чего болит.
Она как никто жарит картошку с луком, печёт бисквит.
Полина почти не женщина и тем более не старуха,
в ней есть что-то такое особое:
не то сила воли, не то жажда жизни, не то закалённость духа.
Полина – ребёнок войны, робот один-девять-три-семь,
состоит из натруженных рук и блок-схем,
из любви к ближним и их посуде из чешского магазина.
Она её моет руками голыми, пренебрегая резиной.
Моет, как мыли мама и бабушка, по старинке, до скрипа.
Иногда какое-нибудь особенно чистое блюдо
начинает звучать, как скрипка,
в её прекрасных разбухших от мыльной воды ладошках.

И некому, всегда некому позвонить в неотложку.
И моя Полина, зная про это страшное некому,
носит слёзы под сиреневатыми веками.
И слёзы эти катятся по щекам и падают в результате
на тарелки, и еда в них становится солонovатей.
Я ем из этих тарелок, вымытых моей Полиной,
и думаю только про то, что и тарелки глина,
и мы тоже глина,
хрупкая божья глина.

* * *

Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе —
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы – всего-то холмы.
Его вены, усталые вены —
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранее его простила,
если будет за что прощать.

* * *

Вот и платё на мне бабушкино,
а серёжки в ушах – сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.

Мне вчера было восемь от роду,

целых восемь, берёт оторопь.
Мои серьги блестят золотом,
словно солнце зимою в оттепель.

Я умею словечки складывать,
нараспев читать с табуреточки.
Подпевают мне в такт ягодки —
две серёжки в ушах девочки.

И пылит за окном улочка —
Первомайская, неизбывная.
На воротах кудахчут курочки —
диво чудное, чудо дивное.

И светло так над Докучаевском,
мир наполнен ещё бессмертием.
На шкафу в моей детской спальне
ясно солнце – букет бессмертника.

Вот и платье на мне бабушкино,
а серёжки в ушах – сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.

* * *

Кто читает все эти чёртовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
жёлтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово – гиря.
Наш подвал укромный, четыре стены и стулья,
а ещё эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съёживает, сутулит,
мы становимся даже не сёстрами – близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идём по улице – два морячка по суше,
мы с тобою ещё ни разу не умирали.

* * *

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом – четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызнава – не заря,
это зарево – зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, умирляет зуд.
Ей давно не страшно, она кремень,
серый памятник площадной.
Мама точно знает, она – мишень.
Или кто-то из нас с тобой...

* * *

Рельсы режут на две неравные половины
полуостров, что когда-то был территорией Украины.
Моё Чёрное море с волнорезами и буями,
за тебя теперь надо рассчитывать рублями.
Кроме смены валюты, власти, символики,
всё осталось прежним, белые колченогие столики,
торговка самсой, чебуреками, пиццей
смотрит в наши незагорелые лица,
улыбается золотом: «Приехали наконец-то!»
А после хмурится, вспоминая, что мы из Донецка.
Отмеряет порцию теста, кричит в приоткрытые двери:
«Отец, они всё же приехали, а ты не верил!»
И откуда-то из глубин их крошечного киоска
появляется дядя Эльдар в красной мастерке Bosco.
Обнимаемся так, что повизгивают суставы,
«Вы к нам как? Самолётом или через паромную переправу?»
Это всё не важно, дядя Эльдар, это всё вторично,
я смотрю на него, и глаза его татарские ежевичные
наполняются солёной водой, как на пирсе впадины,
а глаза его огромные почти чёрные виноградины,
на меня глядят сквозь слёзы и не могут
насытиться-наглядеться:
«Здравствуй! Здравствуй, моя смелая девочка из Донецка!»

* * *

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
передать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.

Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.

Ни слова про поджилки и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
сверяясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.

Одни лишь пальцы, стёртые к утру,
и если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи, как двери,
в замочной скважине которых диск Луны
и облака донецкие видны.

Проза

Алексей Ивакин
(Вятка – Одесса – Луганск)

Чернухино. ИК-23 **отрывок из романа**

После второго залпа «Градов» по Чернухинской колонии начали работать минометы. От близких разрывов вылетали стекла, осколки летели на койки, втыкались в подушки, рвали одежду. Заключенные сидели на корточках, прячась за импровизированной баррикадой из тумбочек. Отряды перемешались. Охрана, оперы и прочие сотрудники ИК-23 разбежались, оставив подопечных на произвол судьбы. Толпы эков металась из секции в секцию, стараясь укрыться от прилетающей смерти.

Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и «смотрящие», и «опущенные». И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни.

Осужденный Потапов с погонялом Боцман после очередного близкого разрыва, выполз из спальни в коридор. Там, хотя бы, окон не было.

– Подвинься, – пихнул острым локтем какого-то зека. Тот сидел, подтянув колени и уткнувшись лицом в них.

Зек не ответил. Осужденный Боцман ткнул его еще сильнее, тот медленно завалился, сполз по стене и глухо ударился головой о бетонный пол, накрытый желтым линолеумом. Лицо его было перепачкано запекшейся кровью.

Боцман огляделся. Кругом стонали, матерились, харкали кровью. «Шныри» рвали полосами простыни и кальсоны, неумело заматывали раны, бегали с кружками воды. Откуда-то доносились глухие удары, словно кто-то бил топором по двери.

Мелькнуло знакомое лицо.

– Хохол! – крикнул Боцман. – Хохол!

Невысокого роста зек оглянулся. Измятое лицо, серые глаза, бесстрастный взгляд. Да, это Хохол.

– Боцман? Живой? Мне сказали, тебя завалило вчера.

– Хрен им, – сплюнул Боцман и встал, придерживаясь за стену казенно-голубого цвета. Он сам ее красил в прошлом году. – Хохол, нам кранты.

– Будто я не знаю, – ухмыльнулся Хохол.

Если бы Боцман увидел эту ухмылку пару месяцев назад, он бы, наверное, обделался. Если Боцман сидел за чистые кражи и на зоне сторонился воровской кодлы, стараясь быть ближе к мужикам, чем к ворам, то Хохол... Про Хохла ходили легенды.

Говорили, что первый раз тот сел за то, менту заточку в печень всадил. Милиционер был его одноклассником. И женился на подруге Хохла, не дождавшейся того из армии. Говорили, что прямо на свадьбе и заколол бывшего друга. И сдался сам. А по зонам пошел «по отрицательному». Слов лишних не говорил, движений резких не делал. Был вежлив и чистоплотен. Но если узнавал, что в отряде «сука» или «крыса», мог зарезать так же спокойно, как играл в шахматы. Срок ему добавляли и добавляли, приближался четвертьвековой юбилей.

Познакомился Боцман с Хохлом, как ни странно, в библиотеке. Тогда его только перевели в ИК-23, попал он на карантин, потом в третий отряд, где и жил Хохол, потом уже во второй перевели. В библиотеке были отрядные дни – раз в неделю зеки одного отряда могли туда приходиться, если хотели. Телевизор Боцман презирал, предпочитая читать. Вот тогда они и разговорились. На неделю можно было взять пять книг. Читать, конечно, из новинок, было нечего. Зато много классики. От Жюль Верна до Мельникова-Печерского. Вот четыре книги «На горах» и «В Лесах» Боцман уже взял и думал, что бы еще подобрать, но как-то глаз не цеплялся ни за что.

– Вот эту возьми, – Хохол неожиданно вынырнул из-за стеллажа и протянул Боцману книгу.

«Белые и черные». Александр Котов.

– Это шо? – не понял Боцман.

– Книга. В шахматы можешь?

– Да я больше в буру там...

– Бура для малолеток. Шахматы для королей.

И ушел.

Мельникова-Печерского пришлось продлить еще на пару недель, впрочем, библиотекарь по этому поводу не переживал. Гораздо большей популярностью у контингента пользовались женские романы, а не русская и мировая классика.

Боцман зачитался книгой о великом русском шахматисте. Странные, какие-то магические, волшебные слова – эндшпиль, испанская партия, сицилианская защита, ферзевый гамбит – завораживали и манили. За ними скрывалась невиданная для Боцмана свобода: тихий закат над штилевым морем, пальмы, ром, влажные глаза мулаток, треск падающего сейшельского ореха...

Через несколько дней Боцман пришел к Хохлу и попросил его научить играть в шахматы. Хохол согласился, но не успел. Сначала его перевели в другой отряд, а потом началась война.

– Хохол, нам хана, – повторил Боцман. – Тикать надо.

Что-то очень большое разорвалось на плацу колонии.

– Надо, – согласился Хохол. – Но куда? И как?

– Да пофиг как, главное выбраться, я уже третьи сутки, кроме воды, ничего не жрал!

– Слушай, Боцман, – по нам лупят со всех сторон. Украинцы, сепары, какая разница?

Наверняка зона окружена, на рывок пойдём, нас сразу пехота положит в лоб – и мама, не горюй. Сечешь?

– Секу... И шо робыть?

– Рокировку.

– Не понял? Это как в шахматах?

– Типа того. Ты трупы рексов видел здесь?

– Не...

– Жаль. Я тоже. Видать сдрыснула охрана, а то можно было бы переодеться.

– Так убежали все.

– Ну мало ли... Курить есть?

Боцман полез в карман, достал мятую пачку «Беломора», в ней оставались пять папирос. Закурили прямо в коридоре. Неделю назад за такое их бы отправили в ШИЗО.

Пробегавший мимо молодой совсем зек резко остановился, учуяв табачный дым:

– Пацаны, дайте тягу.

– Пацаны сиську на параше сосут у дядек со стажем.

Страшный, холодный, льдистый взгляд Хохла ударил по лицу пацаненка, и того просто сдуло с коридора.

– Шо ты так? – спросил Боцман, но его слова заглушил очередной разрыв.

– Га?

– Шо вот так, – стряхнул с головы пыль штукатурки Боцман. – Шо беспределить? Дали бы по тяге пацану...

– Мне та тяга нужнее, – коротко бросил Хохол. Приподнялся, встал, отряхнул колени, подошел к лежащему осужденному. Ноги того были сплющены и перемотаны красной тряпкой, когда-то бывшей белой простыней с фиолетовой печатью в углу.

– Держи, браток, – раненый, не открывая глаз, зачмокал губами, втянул мокрый мундштук в рот. Затянулся, задержал дыхание. Закашлялся. Попытался повернуться, не смог, затих, тяжело дыша.

В этот момент началась тишина. Впрочем, это все, даже Хохол, сразу и не поняли. Еще один промежуток между разрывами – подумаешь, стоит ли обращать внимание? Но еще минута за секундой, и ватная тишина глухо наваливалась на оглохшие уши. Пахло гарью и кровью.

– Говоришь, был кошмар? – медленно сказал Хохол.

– Ну...

– Вот сейчас кошмар начнется. Настоящий.

– Да ладно тебе, Хохол, шо вот ты все время...

– Боцман, ты откуда?

– Я? Из Енакиево, а шо?

– А я из Лутугино. Меня там все...

– Будешь жив, доберешься, найдешь пацанов, они меня грели, я им помогал словом, расскажешь, что тут было. Буду я жив, наведаюсь к тебе. Есть кому рассказать?

– Да ты шо, Хохол, да меня там кожна собака знает, шо це Боцман, да я...

Распахнулась входная дверь. В косых лучах света, падавших сквозь пыль и дым, появились фигуры. Как в голливудском кино. Каски, автоматы, бронежилеты. Они светили фонариками по лицам и телам заключенных. Не орали, не били, просто шли, аккуратно перешагивая через тела раненых, живых и умерших. Они заглядывали в комнаты, резко вода стволами. А когда дошли до конца коридора, наверное, старший из них, крикнул:

– Чисто!

Боцман и Хохол рефлекторно повернули головы на крик. Увидели каким-то странным, обострившимся зрением черные отверстия в дулах автоматов. Или в штурмовых винтовках? Или... Да какая разница, если из этих дыр на тебя смотрит смерть разнообразного калибра.

– Граждане заключенные!

Хохол и Боцман повернули головы обратно, к входу. Там стоял, широко расставив ноги, какой-то военный с мегафоном возле лица.

– Граждане заключенные! Путинские наемники, российские войска и донбасские террористы двое суток обстреливали вашу колонию с целью уничтожения отбросов общества, как они заявляли.

– Трое... – чей-то слабый голос перебил говорящего.

– Что?

Ему не ответили.

– С вами говорит полковник Пилипчук. Сейчас начнется эвакуация осужденных из колонии. Нуждающимся будет оказана необходимая помощь. Просьба здоровым выйти из здания и построиться по отрядам. Раненые остаются пока здесь. Миссия Красного Креста займется ранеными в течение нескольких минут. Их развезут в госпитали.

Слова разносились по коридору и отражались от обшарпанных стен.

Привыкшие к порядку зеки начали подниматься с пола. Все, кроме раненых. И тех, кто притворялся ранеными.

– Пойдем? – спросил Боцман.

– Есть другие варианты? – огрызнулся Хохол и встал.

В черных робах, испачканных кровью и штукатуркой, они медленно вставали, держась за стены и брели к выходу, поправляя мятые кепи.

Говорящий в мегафон тоже вышел, одним из первых, он встречал зеков на плацу. На плечах его зеленели три большие звезды, руки он заложил за спину, широко расставив ноги.

Они выходили цепочкой, один за другим, становились в строй. Отряды поредели на треть. Остальные лежали в душевой или стонали в коридорах.

Когда вышли все – человек с большими звездами снова взял матюгальник из рук младшего офицера.

– Граждане зеки!

Строй стоял молча.

– По вам трое суток молотили российские войска из всех видов оружия. Ваши товарищи лежат сейчас, истекая кровью. Помощь идет. Кто-то этой помощи не дождался. Это не наша вина, что мы не успели. Но Украина о вас помнит и не забывает, поэтому мы здесь. И вам предлагаем несколько вариантов. Желаящие могут вступить в Национальную гвардию Украины. Добровольцам предлагается полный социальный пакет, амнистия и денежное довольствие от тысячи долларов США в месяц.

Одобрительный гул поднялся над строем зеков.

– А как амнистия? – раздался чей-то голос.

– Амнистия это само собой, это даже не обсуждается. Это по умолчанию, как говорится, – хохотнул полковник.

– Вранье, – прошептал Хохол.

– Шо так? – тоже шепотом спросил Боцман.

– Потом...

– Второе! Прописанные на территории Донецкой и Луганской областей могут вернуться домой. По своему желанию, – продолжил полкан.

И вот тут возмутились западенцы. Их держали отдельно, в первом отряде. Вот весь, выживший, первый отряд и заорал от возмущения. Мол, мы воевать тоже не хотим, чего это луганским и донецким привилегия такая?

– Третье! Жителям других областей тоже выходит амнистия, но чуть позже. Нам нужно провести сортировку, чтобы каждый из вас уехал домой, без всяких там разных беспорядков.

Западенцы одобрительно загомонили между собой.

– А кормить будут?

– Будем, – улыбнулся полковник. – Добровольцы в АТО, три шага вперед!

Где-то треть от числа всех осужденных вышла из строя. Их очень быстро – словно овчарки стадо овец – бойцы согнали в кучу и погнали в пролом стены.

Только сейчас Боцман увидел, что стены колонии разбиты снарядами. Самые большие провалы в заборах достигали метров пятнадцати, а то и двадцати. Все вышки были разрушены. Здания разбиты. Окна вылетели. Асфальт стоял горками. Война...

– Донецкие, луганские – три шага вперед!

Хохол неожиданно сделал шаг, одновременно, схватив Боцмана за рукав. Он потащил его с собой. От неожиданности Боцман споткнулся, полетел вперед, перед глазами мелькнул воткнувшийся в асфальт снаряд «Града». Хохол удержал его, затрещала черная ткань.

Потом их повели через другой разлом в стене.

Ни Хохол, ни Боцман так и не увидели, как западенцам раздали автоматы. Старые, древние АК-47, чищенные в последний раз в годах шестидесятых. Когда их раздавали – они были похожи на заливную рыбу. Кусок солидола, в котором угадывался смутный силуэт автомата. Сначала желе счищали ножами, потом протирали носками. Их заклинивало после второй-тре-

твей очереди. Поэтому галицаи добивали своих раненых кто прикладом, а кто плоским штыком.

Главное выжить, правда ведь?

Донецко-луганских выстроили за стенами колонии.

Украинские военные что-то ходили кругами, переговаривались друг с другом, время от времени орали в рации.

– Тройка, я Юпитер, я готов, где транспорт?

В ответ рация что-то нечленораздельно бубнила, похоже, что матом.

Боцман посмотрел на небо. Небо было близко и серо. Из небесного брюха валил снежок. Маленький такой, легкий. Он вертелся, кружился, и от него слегка кружилась голова Боцмана. Если бы Боцман родился и жил в Мурманске, Салехарде или Вятке, то он бы знал, что такое «снежанка» – странная болезнь, когда человек теряет ориентацию в пурге, он не понимает: где верх, а где низ, куда вправо, а куда не надо. А потом этот человек бесконечно падает, падает, падает в мельтешение снежинок, замороженно умирая от переохлаждения...

Но Боцман родился в Лутугино.

– Граждане осужденные! – хрипло прокричал лейтенант в полицейской форме. Он держал перед собой несколько листов бумаги. Закашлялся в серую перчатку на левом кулаке и продолжил:

– Граждане осужденные! Указом президента Украины Петра Порошенко вы амнистированы...

Боцман радостно обернулся и посмотрел на Хохла:

– А ты говорил!

– Ша, молекула, – буркнул Хохол, глядя на ботинки. – Ща начнется...

– Отправить сейчас вас по домам мы не можем.

– Начинается... Чуешь, Боцман?

– Не...

– Дороги перекрыты российскими оккупантами. Однако есть договоренность с террористами. Вы сейчас колонной будете выходить от наших позиций к позициям сепаратистов. Вам необходимо намотать на головы белые повязки. Раздайте.

Рядовые побежали вдоль строя, раздавая простыни каждому пятому зеку.

– Разрезать, раздать каждому. Надеть повязки на голову, повторяю!

Зеки начали рвать руками белые полотнища и раздавать по строю.

– Напоминаю, что там, – лейтенант ткнул куда-то в сторону Луганска. – Террористы, чеченские и осетинские наемники, им ваша жизнь – заработанный доллар. Вас там будут расстреливать. Желающие остаться – шаг вперед.

Из строя вышло еще десять человек. Одного Боцман знал, молодой парень, сел за аварию. Набухался, поехал кутить дальше. Въехал в остановку. Убил одного человека, пятерых просто инвалидами сделал. Все бы и ничего, да погибшая мало была беременна, так еще и невестка харьковского депутата. Вот и дали трешечку. Легко отделался.

– Сто двадцать три осталось, – спокойно резюмировал лейтенант. – Налево!

– Отставить! – из-за спины лейтенанта появился майор. – Что, сынки, неохота Родине послужить? Понимаю, страшно. А грабить не страшно было? Убивать не страшно было? Вы же твари, поганые твари. Отбросы.

Майор шагнул к строю, медленно пошел вдоль стоящих по стойке «смирно» зеков. От него пахло застарелым перегаром.

– Шо, мрази, по домам захотелось? А когда божьи заповеди нарушали, не боялись? Не убий там, не укради, а? Вас, сук, расстреливать надо. На площадях. Как при Сталине! Чтобы не мера наказания была, а мера социальной защиты!

Последние слова он выкрикнул на фальцете.

– Сука, Родина в опасности, а вы тут... – майор заорал на Хохла.

– Ты меня на понт не бери, гражданин начальник, – ухмыльнулся зек и длинно сплюнул на ботинок майора. – Я и не такое слышал от гражданина воспитателя.

– Ты сейчас у меня услышишь, ты сейчас услышишь... – майор побледнел, резко развернулся и рывкнул на лейтенанта. – Бегом выполнять приказ!

– Налево!

Тюрьма хоть и похожа на армию, но это не армия. Поэтому и повернулись все налево, но, не щелкая каблуками. Так с лентой.

Грязь февраля пятнадцатого...

Вроде бы и зима, даже снег местами лежит. И пар изо рта есть и небо низкое. И солнце сквозь рваные раны облаков не греет. Но вот шагаешь, ступаешь на обмерзшую землю, глина хрустит, ты проваливаешься в жижу по щиколотку, она заливается в низкие ботсы, холодом тянет до пяток, потом до пальцев, они немеют. Ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей. Но идти надо. Потому что вот тот пацан, который решил сесть, снять ботинки и выжать коричневым свои носки, получил пинок по спине и прикладом по затылку. От удара прикладом по затылку потерял сознание, потекла кровь из носа.

Когда зеки остановились – молча, не понимая, что происходит, – над головами раздалось несколько очередей. Они сначала присели, прикрыв затылки руками, потом пошли снова, куда-то на восток.

Хрипящего парня оттащили в сторону. Чтобы не мешал. Хохол и Боцман не оглянулись, когда хрип закончился треском автоматной очереди.

Сто двадцать два преступника.

Они понимали, что сквозь этот февральский туман зеки могут дойти только до могилы. Могилы? Максимум до кювета вдоль дороги.

Боты мерно чавкали по проселочной дороге. Жирная грязь липла к штанинам. Шли, по привычке, заложив руки за спину. По краям колонны двигались автоматчики в грязных зимних камуфляжах.

Наконец, их остановили.

Слева, в низком сером тумане угадывались ветви деревьев лесопосадки. Справа, в поле, в этом же тумане прятали разбитые головы вышки линии электропередач. Казалось, что из тумана сейчас выйдут древние чудовища. Рыки их моторов, лязг траков доносились со всех сторон. Боцман сдерживал крик. Хохол тоже.

Колонну остановили перед полем. Островки снега белели на пашне. Вдоль поля с двух сторон чернели лесопосадки.

– Идти по краю поля, – устало сказал лейтенант. – В зеленку не заходить, на поле не выходить. Заминировано все. Шаг вправо-влево...

– Шаг вправо-влево, – повысил голос лейтенант. – Верная смерть. И мучительная. Эвакуировать вас никто не будет. В лучшем случае убьет сразу, в худшем будете истекать кровью пару суток. Или трое.

– Нам хана, – грустно сказал Боцман.

– То я не знаю, – дернул плечом Хохол.

– Вам надо пройти поле. Вас там встретят сепары. У нас с ними договоренность. Вас там встретят. Москали обещали, шо вам окажут необходимую помощь. Но на вашем месте я бы не обольщался. Им отбросы не нужны. Так что, еще раз обращаюсь. Кто хочет жить – вступайте в Национальную гвардию Украины.

На этот раз из строя никто не вышел.

Лейтенант скомандовал. Колонна жидкой цепочкой начала выходить на поле. Вернее, на тропинку между лесопосадкой и полем.

Боцман и Хохол, старательно перешнуровывая коры, затесались в самый конец. На тропу они вышли почти последними – за ними шел десяток-другой молодняка в черной униформе. Чавкала грязь, иногда скрипел снег под ногами. На ветру шевелили ветвями деревья. Рваные клочья тумана летели поперек поля.

Цепочка растянулась метров на триста. Словно в старом советском игровом автомате...

Хохол шел впереди Боцмана. Не поворачивая головы, он глазами проверил – нет ли охраны вокруг: нет. Сунул руку в карман, попытался достать папиросу. И в этот момент вдруг почувствовал звериным, своим зековским чутьем неладное. Вдруг завывало безмолвной паникой в груди, свело судорогой желудок, легкие замерли. Сам не понимая, что сейчас произойдет, он вдруг прыгнул вбок, в канаву, где все «заминировано». Чисто рефлекторно за ним прыгнул и Боцман.

Они еще летели в мерзлую ледяную кашу, Боцман еще не понимал, зачем он это сделал, когда голова впереди идущего, вдруг разлетелась кровавым облаком, словно кто-то сдул красный одуванчик.

А потом ударил настоящий огонь. Выстрел снайпера был сигналом. Из южной лесополосы открыли сосредоточенный огонь из стрелкового вооружения. Никто из зеков даже не догадывался, что на них поставили ставки.

Тир. Сафари. Кто больше положит – тому ящик коньяка из размародеренного магазина. Впрочем, не все участвовали в соревновании на количество. Пулеметчик «Утеса», например, просто тренировался на одиночные выстрелы. Большую часть он мазал. Но если удавалось попасть, например, в ногу, то ее просто отрывало. Таких не добивали, пусть орут, панику навоят. Некоторые из тех, кто выжил в первые двадцать секунд – а это много, очень много! – зачем-то побежали в поле. Мин там не было, нет. Там их просто расстреляли.

Кто поумнее, падал в распадок, в зеленку – если так можно назвать зимнюю лесопосадку. – Бегом, бегом, мать твою! – Хохол схватил Боцмана за воротник черной робы.

Боцман сначала побежал за ним на четвереньках, потом приподнялся, но тут же пуля снайпера сбита кепи с головы, и он опять упал в февральскую жижу. Сразу прилетела оплеуха от Хохла.

– Чего разлегся, баран! Или бежишь со мной, или ляжешь тут на хрен!

– П-п-понял, – заикаясь, протянул Боцман.

На самом деле, они не бежали. Они ползли и карабкались на четвереньках.

По раненым, у которых не было рук, у которых животы были распороты и кишки цеплялись за кусты. Один стоял на коленях, харкая легкими. Боцман оттолкнул его, тот завалился на бок и, вроде умер. И это была легкая смерть, просто Боцман этого не знал. Они ползли по канаве, ныряя в ледяную грязную воду, а в это время четыре БТРа выехали на поле. Конечно, никаких мин там не было.

Боцман и Хохол укрылись за толстым тополем, накидали на себя веток кустарника – больше нечем было замаскироваться.

А над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишневыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

Зачем тратить бензин на мертвых? Лежащих в ледяной жиже, окровавленных, пусть и чужой кровью, но кто проверять будет? – вонючих зеков...

И даже непонятно, в чем повезло Хохлу и Боцману. Может быть в том, что они остались живы или в том, что они не увидели?

Пуля не всегда убивает сразу. Хорошо, если в голову или сердце. Мир просто выключается. И то не всегда. А вдруг перед попаданием пули в мозжечок включается режим «слоу мо»? И пуля медленно-медленно вворачивается в затылочную кость, сверлит ее, как бормашина? Сначала, конечно, рвется тонкая, как шелк, кожа и капли крови красиво, словно одуванчик, разлетаются на зимнем ветру.

Говорят, что мозг не чувствует боли. И вот вопрос – успеют ли нейроны затылка доставить до не болящего мозга сигналы. Синапсы кричат, локомотив боли несется по нервным путям, пуля, словно шуруп, медленно вкручивается в мозг. Со стороны кажется, что человек умирает моментально. А если нет?

А как быть, если осколок попадает в живот? Или отрезает ногу, так, что артерия остается залепленной глиной? А если человека насквозь пробила отбитая взрывом гранаты ветка абрикоса? И занозы не в коже, нет, а в бесконечных слизистых, и они не могут быть обнаружены рентгеном?

Раненые кричат. Кричат, хватая горстями комья коричневой земли. Кто-то тяжело дышит, кто-то смотрит в низкое небо, а глаза его сварились вкрутую от близкого разрыва. Кто-то пытается привязать грязной тряпкой оторванную кисть.

И сотни криков сливаются в единый вопль: «Где же ты, Господи!»

Вместо Господа и ангелов его по краю заснеженного поля шли солдаты с красно-черными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и все.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, которые были одеты во «флору», бензина было не жалко. Волонтеры, за которыми прятались заокеанские партнеры, на бензин не жалели гривен. Ведь это уже не Россия, не Советский Союз. Здесь незалежна Украина – территория свободы. Хочешь – жги людей. Хочешь – вырывай им зубы.

Боцману и Хохлу повезло. Их, все-таки, не заметили.

Первым в себя пришел Боцман. Хохол, как ни странно, похрапывал. Абрикосовая веточка над его лицом мелко дрожала.

– Эй! – Боцман ткнул Хохла локтем под ребра. Тот не пошевелился.

– Эй! Эй!

Было темно. По горизонту раздавалась стрельба, ухала артиллерия и минометы. Пахло шашлыком. Без лука. Но даже в этой темноте Боцман разглядел, как голова Хохла повернулась в одну, потом в другую сторону. Открылись глаза, и взгляд его был безумен.

– Сууукааа, – протянул он.

– Хохол, Хохол, это же я! – шепотом ответил Боцман и, неожиданно для самого себя, легко ударил его по щеке.

В течение нескольких секунд тот пришел в себя. Это было завораживающее зрелище: словно кто-то прогрел мозг, включал передачи и с каждым включением взгляд становился все осмысленнее и осмысленнее. Процесс перезагрузки закончился тем же паролем:

– Сука.

Сухой ком в горле колом встал на уровне кадыка. Хохол зачерпнул грязный снег и отправил его в рот. С трудом прожевал, проглотил, закашлялся в рукав.

– «Укропы» далеко?

– Я знаю? – по-одесски ответил Боцман.

Нацисты были недалеко, конечно. Надо было ползти. В каком направлении? Какая разница, лишь бы подальше от этого дерьма.

Они и поползли по канаве, по трупам и черно-красной жиже, перемежаемой островками белого снега, почему-то не утонувшего в грязи.

Мокрые и грязные, они ползли, время от времени падая в лужи, хлебая ледяной рассол снега, чернозема, жуелки и мергеля. И сплевывали щепки простреленных деревьев.

А когда начало светать, зеленка закончилась, они начали выползать на дорогу, которая пересекала поле. Ну как дорогу... Обычную грунтовку, ковьявшую по местным полям, к птицефабрике.

Первое, что услышали осужденные:

– Руки вгору, вы кто такие?

Руки поднять не удалось, пришлось сразу лечь «звездой», как при обысках, когда мордой в пол, а не к стене.

– Граждане начальники, – сдавленно сказал Боцман. – Мы мирные зеки, ничего плохого не сделали, а шо сделали, так за то отсидели...

Перед носом Боцмана внезапно появился носок армейского ботинка.

– Помолчи, а? – посоветовал «гражданину осужденному» голос.

Женский голос.

Между лопатками Боцман почувствовал дискомфорт. Скорее всего, это был ствол.

– Вы кто? – прозвучал голос.

– А вы? – сдавленно ответил Боцман, нюхая мокрый снег. Хохол молчал.

– На вопрос отвечай.

– Осужденный Сидельников, статья сто восемьдесят шестая, часть пятая! – как смог крикнул Боцман сквозь снег, забивавший рот.

– Это чего? – поинтересовался голос.

– Грабеж организованной группой. Тринадцать лет, – сипло вмешался Хохол.

– А ты за что?

– За решетку... – и ботинок надавил ему на шею.

– Ты свои блатные привычки брось, отвечай, как полагается. Пуля в полуметре от тебя.

– Так бы и сказал, – вздохнул Хохол. – Осужденный Хохлов. Сто пятнадцатая, часть первая. Пятнадцать. Убийство двух или более лиц.

– Более?

– Трех порезал в камере. Двое сразу на глушняк, третий в лазарете сдох.

– Прямо диверс, – хохотнул тот, кто давил стволом в затылок. – За шо ты их?

– За честь...

– Девичью?

– Да пошел ты.

– Уважаю, – согласился голос. – Рюрик, и чё с ними делать?

Хлопнула мина. Ни Хохол, ни Боцман не услышали ее шелестящего звука, а вот ребята в белых маскхалатах упали на грязно-белую землю за пару секунд до разрыва. У каждого свой жизненный опыт, чего уж. Потом ударила вторая, третья: начался интенсивный обстрел.

«Укропы» шмаляли наугад – просто в сторону предполагаемого противника. Поэтому мины беспорядочно падали на краю поля, рядом с дорогой, метрах в ста от разведчиков и зеков.

– Уходим, – коротко ответил Рюрик хриплым голосом.

– А этих?

– С собой...

Подгоняемые прикладами и пинками зеки бежали в сторону полуразрушенных домов. Длинную улицу разрушили всего за несколько дней. Где-то вылетели окна, в другом снесло близким разрывом стену, дом накренился. В третьем, на вишне, висела собака, вернее, то, что от нее осталось. Запах гари низко стелился над мокрой землей, где увязала обувь зеков. Ни украинские минометчики, ни польские снайперы, ни американские инструкторы не заметили

странную группу из пяти человек – двух в черной униформе, трех в грязно-белых камуфляжах. Видимо, смотрели в другую сторону, там, где рвались мины и куда через тотчас прилетел пакет «Града».

А еще через несколько секунд группа Рюрика, перемахнув через криво упавший забор из профнастила, заскочила в один из разбитых домов.

– До утра здесь будем, – сказала Рюрик и сняла каску, а потом белую, в пятнах балаклаву.

– Ты баба, что ли? – изумился Боцман, когда увидел лицо Рюрика. – Сто лет не видел...

Рюрик сплюнула – это была, все же, она и ответила простуженным голосом:

– А я зеков вообще никогда не видела! Белоснежка!

– Кухню проверь!

– Уже, товарищ сержант!

Рядовой с позывным «Белоснежка» шерстил кухню. И думал, что люди странные животные: «Вот война, вот эвакуация, вот снаряд в садочек. Телевизоры с собой в тыл тащат, мебель всякую, а вот чай с сахаром оставили. А ведь в чистом поле или разбитом городе пачка чая ценнее всякого телевизора».

– Чому Белоснежка? – осторожно спросил Хохол, немало подивившись странному для блатарей прозвищу.

– Так получилось, – улыбнулся Белоснежка. – Тебя напрягает?

– А не запахло?

– Запахло «укропом» быть. А мы в Харькове когда партизанили, под моим началом семь пацанов было. И все как на подбор, мне подмышку. Так и повелось. Говорят, суки сбущные до сих пор бабу с позывным «Белоснежка» ищут. И хай ищут, – он достал из рюкзака большой синий пакет.

– Ну и нехай, – согласился Хохол. Пожалуй, впервые в жизни ему стало неловко за свою кличку.

– Я ж тебя не спрашиваю, чому ты Хохол, – он ножом вспорол пакет, открыл картонную коробку: в ней лежали консервы, упаковочки всякие, повертел в руках пакетики чая, меланхолично заметил. – Хозяйский лучше.

– Хохлов я...

– Да насрать, – ответил Белоснежка, расправил ножки у горелки, поджег таблетку сухого спирта и поставил на горелку кружку с водой. – Рюрик?!

– М?

– Чай, кофе?

– Витаминчик мне завари.

Рюрик села возле разбитого окна, через которое залетали мокрые снежинки пополам с дождем, и внимательно наблюдала за местностью. Белоснежка заварил ей в алюминиевой маленькой кружке розовый порошок из бумажного пакетика. Запахло киселем из детства.

Потом она присела напротив двух заключенных на корточки и уперлась в них холодным взглядом. Между ног ее покоилась СВД.

– Ну что, граждане бандиты, рассказывайте.

– Это кто тут бандит? – возмутился было Боцман, но тут же получил тычок локтем под ребра. – Хохол, ты шо?

– Ни шо, а ша, – отрезал Хохол. И продолжил. – Зону «Градами» начали расстреливать. Я не знаю чьи...

И он продолжил. Как сбежал персонал колонии. Как они пекли хлеб из муки, которую привезла Нацгвардия. Как часть раздавали, тайком, по ночам, этот хлеб местным мирным жителям, меняя его на закрутки с помидорами и мочеными арбузами. Как рядовые украинских войск старательно этого не замечали, пока пьяные офицеры орали в палатках и «Щеню» и «Не вмерлу». Как их вывели на плац, а потом начали расстреливать на бегу.

– Да вы же это сами видели, не могли не видеть.

– Видели, отец, видели, – сказала сержант Рюрик и ударила пальцем по оптическому прицелу винтовки.

– Видели, а чего ж не стреляли, – с горечью сказал Хохол.

– Стреляли, – коротко ответила она.

Белоснежка протянул кружку – нашли в хозяйском шкафчике – с чаем Хохлу, чуть позже Боцману. Странное дело, чуть подкрашенная и подслащенная горячая вода, а к жизни возвращает. Смеркалось.

Закусывали галетами, от них пахло плесенью. Рюрик приказала остальной сухой паек не трогать до утра. Но и этот внезапный ужин нагрузил мужиков теплой тяжестью в желудке, и веки сами собой поползли вниз. Первым дежурил молчаливый Белоснежка, наблюдавший за тем, как по небу ползут медленные сигнальные ракеты, как низкие облака режут очереди трассеров, а на горизонте ярко-оранжевым вспыхивают мины и снаряды самых разных калибров.

В час ночи Белоснежка неслышно потянулся, встал, пошел вдоль стенки от окна, стараясь не брэнчать осколками разбитых стекол. Потом нагнулся и осторожно потряс за плечо Хохла, спящего вдоль буфета, на кухне.

– Га? – Хохол резко подорвался и врезался головой о стол.

– Цыха! Дежуришь до трех часов, потом смену будишь.

Упал на пол и немедленно захрапел.

Хохол, толком еще не проснувшись, посмотрел на АКСУ в своих руках. Такие «Ксюхи» носила охрана...

Он захотел спросить: «Это мне?», но спрашивать было не у кого. Рюрик сопела в углу, под единственным неразбитым окном, ей постелили двуспальный разодранный матрас и накидали сверху хозяйской одежды. Кот сопел рядом, натянув армейский бушлат на ноги, а его снятые берцы служили ароматизатором помещения. Белоснежка устроился на кухне, легкий снег падал на его пуховик. Эти спали спокойно – так спят дети, солдаты и умирающие.

Один Боцман стонал и ворочался во сне. Прихожей ему было мало, он метался и, время от времени, бился кепкой о стены.

Хохол подумал, что Боцмана надо убить первым, на всякий случай, но мысль сразу отогнал, как чужую. Прошел в комнату, где только что караулил Белоснежка и сел на его место. В лицо дул мокрый февральский ветер Луганщины.

Все так же лупил пулемет, все так же били минометы, все так же полосовали небосвод разрывы снарядов и ракет. Разве чуть спокойнее.

Хохол вздохнул и прижал к груди автомат, глядя в бескрайнее черное небо.

Он уже убивал.

И мог бы убить сейчас. Для этого совершенно не требовался автомат. Человека можно убить даже шнурком от ботинка, когда он спит. А на того пацана понадобился просто один удар, тот упал и затылком о бордюр. Убийство по неосторожности, всего лишь. Только вот через два дня после карантина в колонии у Юрки Хохлова трое прибалтанных попытались отнять посылку. Что было в той посылке? Да так, десяток мандаринов на Новый год, разрезанных «рексами», колбаса, опять же, нарезкой, да пара носков. И письмо. Вот за письмо он и взялся – ответил беспределом на беспредел. Сам потом так и не понял, как в его руках оказался штырь из старой советской кровати. Следователи удивлялись его силе. А он этим штырем убил двумя ударами двоих. Одного в глаз, второго в висок, третий успел отскочить. Вот дополнительно навесили еще срок. Его побаивались опера и охрана, не любили и блатные. Жил в одиночестве, что, впрочем, Хохла вполне себе устраивало. Вне закона. Вне любого закона. А письмо он так и не прочитал. Затоптали его в крови убитых им беспредельщиков.

Сейчас сидел он возле разбитого окна, слушая звуки далекого боя, наблюдая полеты трассеров, и думал, что, пожалуй, впервые в жизни он свободен. Четыре спящих человека

доверили ему автомат. Он может встать и убить их. Они даже шевельнуться не смогут. Потом можно дожидаться украинских солдат и рассказать им, как он геройствовал здесь. Может быть, ему скостят срок. Может быть, даже амнистируют. И чем черт не шутит, может быть даже дадут медаль. И он станет украинским героем, получит пенсию, выступит по телевизору, найдёт бабенку в Киеве.

Надо только убить четырех человек. Это просто, когда у тебя в руках автомат. Просто убьют четырех человек, тех, кто тебя спас и напоил чаем. Хорошим чаем. С сахаром и бергамотом.

Хохол встал.

Подошел к Боцману. Тот застонал и перевернулся на другой бок. Хохол решил, что Боцман будет последним.

Или закончить Рюриком? Все же баба...

Но начал Хохол с нее.

Он подошел к куче тряпья, под которым мерно сопела Рюрик и осторожно потрогал ее за плечо.

Та проснулась мгновенно, мгновенно же и перевернулась, тут же схватившись за ствол «АКСУ».

– Ты че?

Хохол виновато пожал плечами:

– Командир, у тебя курить есть?

– Дурак ты, Хохол, и шутки у тебя... – она выгостила не-начатую пачку откуда-то из недр курточек, протянула ее Хохлу и сказала: – Оставь себе.

Боцман курил сигарету за сигаретой и, счастливый, смотрел в небо, на котором стали появляться звезды.

Ктремчасамонзабыл, когонадобудить, поэтомуразбудил Боцмана, сунул ему пол-пачки, «Ксюху» и довольный улегся спать под кухонный стол. Жизнь налаживалась.

Утро выдалось как всегда – по подъему, а, значит, противно.

Где-то длинными очередями жгли патроны пулеметы, автоматы, рывкали автоматические пушки – ни Хохол, ни Боцман так еще и не научились отличать ЗСУ от пушки БМП-2. Хохол поднялся: болели кости, затекшие на твердом полу. Рюрик уже жевала холодную кашу, флегматично глядя в окно. Белоснежка и Кот разогревали на полу кружку с кипятком.

– А де Боцман?

– По утренним делам ушел, – ответил Кот.

– А... Тоже выйду до ветра.

Легкие свои дела Хохол сделал прямо с крыльца. Потом вернулся в дом, по пути зацепив пробитое осколками ведро, и чертыхнулся. Затем он прошел прихожую, где молчал давно потухший газовый котел, вернулся в относительно теплую хату. Краем глаза вдруг увидел движение, резко повернулся.

В зале стоял Боцман и сосредоточенно доставал из серванта книгу за книгой. На обложки он не смотрел, просто поворачивал форзацем к потолку и тщательно перелистывал страницы.

– Эй, – сказал Хохол.

– А? – Боцман даже голову не повернул.

– Ты шо делаешь?

– Дело работаю. Смотри, вдруг они бабки оставили? Терпилы любят бабки в книгах оставлять.

– Чеканулся? Люди бежали отсюда. Что они, бабки бы оставили?

– Могли бы и забыть про заначку, – в этот момент с книжной полки упала крестовая отвертка. И как она там оказалась?

Хохол торопливо оглянулся:

– Мозгами поехал? Эти, – шепотом он сказал. Но таким шепотом, который громче любого снаряда. – Эти тебя прямо сейчас шлепнут.

– Ой, да ладно, – легкомысленно ответил Боцман и тут же получил удар в печень. Согнулся, захрипел, упал на колени, застонал:

– И... Ты чего???

В комнату зашел Белоснежка, сплюнул на пол:

– Вы че, сидельцы?

– Ни че, ни че... Нормально, че... Да так, поспорили о Божьих заповедях, – добавил Хохол, ухмыляясь.

В оркестр туманного военного утра вплелась новая мелодия. Но услышали ее только ополченцы.

– Лежать, всем лежать! – крикнула Рюрик. Белоснежка мгновенно упал на пол, прямо перед стоящим на коленях тяжело дышащим Боцманом.

Через пару минут рев мотора усилился, приблизился к дому. Грязно-зеленая туша БТР остановилась возле синих ворот дома. Белоснежка, Боцман и Хохол замерли на полу в зале. Боцман сначала перестал подпрыгивать, а потом и дышать, на всякий случай. Кот с Рюриком встали за окном на кухне, каждый на свою сторону. Окно выходило на улицу, как раз на БТР, сломавшим палисадник и смявшим разноцветные старые покрышки, вкопанные на половину в землю. Открылись десантные люки. Пехота попрыгала на землю.

В сторону дома, где засели «ополчи» и зеки, пошли двое. Пнули металлическую дверь, пробитую осколками и пулями, вошли во двор.

На кухню же скользнул Хохол, а за ним вошел уже отдышавшийся Боцман. На четвереньках вошел.

Жестами Хохол показал, мол, валите отсюда в заднюю комнату. В руках он держал неизвестно откуда взявшуюся отвертку. Боцман стащил со стола большой кухонный нож.

Скрипнула входная дверь. Кто-то из украинцев тут же споткнулся о то самое ведро. Хохол завел руку с отверткой до затылка, Боцман поднял нож на уровень пояса.

И в этот момент БТР заорал голосом Вакарчука:

Хто ти є, ти взяла моє життя
І не віддала.
Хто ти є, ти випила мою кров,
П'яною впала.
Твої очі кличуть і хочуть мене,
Ведуть за собою.
Хто ти є? Ким би не була ти,
Я не здамся без бою!

Первому Хохол засадил отвертку в глаз так, что она чудом не выглянула с обратной стороны черепа, второй на весь клин поймал нож в печень. Каски, звеня, поскакали по линолеуму. Совсем мелкий солдатик хрипел, когда Боцман зажимал ему рот ладонью, из-под ребра текла до черноты темная кровь. Глаза «вояка» вертелись, словно пытались запомнить напоследок остатки жизни, потом затуманились, тело задергалось. «Твои очи хотят и кличут мене...» – продолжал орать БТР. Мехвод машины высунулся из своего люка и неспешно курил, разглядывая разбитую снарядами улицу, над которой завывал Вакарчук.

Из дальней комнаты вышла Рюрик, приставив СВД к плечу. Белоснежка и Кот жестами подняли тяжело дышащих Боцмана и Хохла, показали направление движения. Те двинулись было к выходу, но тут на плечо Хохла опустилась тяжелая лапа Белоснежки в тактической перчатке. Кот ткнул пальцем в оружие украинцев. Плюс два АКМ. К сожалению, гранат у

всушников не было, как и брони-ков. Но четыре магазина к каждому стволу плюс разгрузки. Больше ничего полезного у них не оказалось. Кроме четырех пачек сигарет, конечно. Боцман, было, раскрыл одну и потянул за фильтр, но тут же возле его носа оказался кулак Белоснежки.

Когда они вышли из дома, грохнула СВД Рюрика. С головы мех-вода бронетранспортера слетел танкошлём с половиной черепа, он покосился, наклонился, уронил тело на бок, сигарета, смытая по лицу потоком крови, упала куда-то, а после он сам сполз внутрь машины. Словно плетка, винтовка перекрыла звуком выстрела урчание двигателя и вой Вакарчука. Но никто, никто не заметил потому, что он слился с хлопками и взрывами, грохотавшими над Чернухино вот уже который день.

Может быть, из-за боевого фора, а скорее потому, что украинская пехота ползала и мародёрчила по брошенным «мирняком» домам, пятерку никто не заметил. Кот быстро выдернул чеку из РГД-5, сунул её чекой под труп и они выскочили во двор, потом быстро перелезли забор – а что там было перелезать, когда гаубичным снарядом снесло половину профнастила?

Трое в белом, двое в черном пробежали пару сотен метров – Белоснежка спиной вперед, постоянно глядя, не заметили ли их? – и рухнули под пирамидальным тополем.

– Дорогу...

– А? – спросил Боцман, схватил горсть грязного снега и начал жевать.

– Дорогу надо пересечь. Отсюда полкилометра до неё, – повторила Рюрик. Она тоже тяжело дышала. – Потом вдоль дороги, еще полкилометра. Там уже наши. Пароль: «Одесса».

– А че, у вас раций нет? – удивился Боцман. Он любил военные фильмы и знал, что у каждого военного есть рация.

– Нет, – засмеялся Кот. – Откуда они возьмутся? Вот, может, в бэтэретом были.

– Кстати, а чего вы его не подорвали? – спросил Хохол.

– Чем?

– Я знаю?! То вы – военные...

– Та можно было, – сказал Кот. – Пару гранат в люк мехвода и все. Выведен из строя на пару недель.

– А шо тогда?

– Чё, чё... Там бы так бахнуть могло, вся чернухинская группировка сбежалась бы на нас, красивых, посмотреть. Кому это надо?

– Мне – нет, – признался Хохол.

– Вот и нам тоже.

– Всё, идем, – скомандовала Рюрик.

Они пошли, пригибаясь, вдоль заборов. Перед дорогой под ногами закрипела жужелка. На самой же дороге завалилась в кювет «мотоляга», а за ним на дороге стояла пушка.

– «Рапира», – уверенно определил Белоснежка.

Красивое длинноствольное орудие, внучка «сорокопятки» смотрело в сторону «укропов». Рядом валялись разбитые ящики и снаряды, которым повезло не взорваться. «МТ-ЛБ» вонял резиной и уже сгоревшей соляркой. Чуть поодаль догорал перевернувшийся «Урал». Возле него лежал разорванный на двое труп, видимо, водителя. Обычно так не бывает, но на войне случается и не такое.

Ключья февральского тумана ползли над шоссе, черный дым стелился по разбитому асфальту. Перескочили дорогу за несколько секунд. Залегли в кювет. Боцман немедленно начал жрать шоколадку из вчерашнего сухпайка.

– Сейчас еще одно поле перескочим и все? – довольно спросил он.

– Нет, сейчас по дороге, поле заминировано, тебе ж говорили, – ответил Кот.

– Тихо! – рявкнул вдруг Белоснежка. – Тихо!

Сквозь грохот разрывов и беспрестанную работу стрел-ковки он вдруг услышал далекий, едва различимый рев дизеля. Что-то ехало к ним. Наверняка за этим что-то шла и пехота. Может быть, та самая, которую Боцман с Хохлом недорезали.

– Бегом!

Белоснежка выпрыгнул из канавы, за ним бросилось всё отделение, включая граждан осужденных. Не зря, ой не зря Белоснежка читал все возможно найденные в этих ваших интернетах инструкции по артиллерийским системам современности, пусть они были даже из шестидесятых. Уставное время развертывания «Рапиры» – одна минута. Через сорок секунд станины орудия были призывно развернуты, красавица была готова, как невеста перед первой брачной ночью.

– Бегом отсюда! – рявкнул Белоснежка, крутя колесо.

– Кто? – не поняла сержант Рюрик.

– Все, и ты тоже, – ответил Белоснежка.

– Охренел?

– Я артиллерист в прошлой жизни, – Белоснежка снял грязно-белую каску и посмотрел на девушку. – Был. Одесское артиллерийское.

– Разве в Одессе пушкарей готовят? – усомнился Кот.

– Готовили.

– А че ты тогда...

– Второе мая. Бегом отсюда! – зарычал Белоснежка, оскалившись, словно волк.

– Приняла, – холодно ответила Рюрик. – За мной.

Рык мотора приближался. В тумане стал очерчиваться черный силуэт машины.

– Я останусь, – вдруг сказал Боцман.

– Ты чего? – сдавленно сказал Хохол. Каркнул то ли ворон, то ли ворона.

– Снаряды-то кто будет подавать? – отстраненно ответил Боцман. В глазах его появилось что-то такое, что невозможно описать словами. И усталость от жизни, и понимание того, что пробил твой час, и готовность уйти. Ну и что, что разбойник? Вторым в рай, после Христа тоже разбойник вошел. А ноги Иисусу вообще проститутка обмывала.

– Снаряды это да, снаряды это можно, – согласился Белоснежка. – Валите уже.

И трое ушли в туманную даль. Двое в белом, один в черном. Никто из них ни разу не оглянулся.

– Осколочно-фугасный давай, – сказал Белоснежка, когда опустил ствол на прямую наводку и увидел в прицеле низкую тушку БМП-2.

– Это какой?

– Дал партком заряжающего, – пробормотал Белоснежка и уже в полный голос добавил, – «ОФ» написано!

Он открыл затворную ручку, камора распахнулась. Боцман осторожно сунул снаряд в ствол.

– Ну, держись, гражданин осужденный, не попадем – у нас сроку жизни на два выстрела. Гильза сама выскочит, ищи второй снаряд.

– «ОФ»?

– Ага...

В принципе, «бехе» бронебойного много, осколочно-фугасный может ее и пошинковать, и даже опрокинуть, если близко вклепить. Белоснежка держал, держал, держал её в прицеле... Встал за станину... Короткий рывок...

«Рапира» подпрыгнула на своих раздвинутых ножках, из «сотейника» – дульного тормоза необычной формы – вырвался клуб пламени. Боцман на миг даже ослеп.

– Снаряд! – заорал Белоснежка, опять перепрыгивая через станину и прикладываясь к прицелу.

– Бегу, бегу, – бормотал себе под нос Боцман, жалея, что остался на позиции.

– Выстрел! Снаряд!

Скорострельность «Рапиры» – двенадцать выстрелов в минуту, это если расчет полный и обученный. А если двое и оба работают в первый раз? Ну, хорошо, один в теории изучал артиллерию, и может даже стрелял из полевых гаубиц образца двадцать третьего года. И что?

Но они успели выпустить пять снарядов, перевернули «Беху», и положили пехоту, ту, которая не успела свалиться.

И в этот самый момент, когда атака была отбита, загорелась БМП-2 и были выбиты последние стекла в ближайших домах, с левой стороны этого слоеного пирога выползли из тумана напуганные юные украинские армейцы. Тоже пять человек, только у них ефрейтор командовал. Они ползли по перемешанному с глиной снегу, а когда увидели двоих, стрелявших из орудия, – с перепугу открыли огонь.

Российский пиксель Белоснежки и черная униформа Боцмана потом дала повод в очередной раз украинским СМИ заявить, что на Донбассе воюют только зеки и российские войска. Хорошо, что Белоснежка оставил в штабе свой украинский паспорт...

А разведанные Рюрика, как это часто бывает на войне, слегка запоздали.

Дмитрий Митрофанов (Луганск)

Жаркое лето 14-го Повесть

Я описал происходящее, исходя из своего виденья. Возможно, оно несколько отличается от восприятия других участников тех же событий. Что ж, простите, если что не так, тем более что с тех пор, на момент написания сего текста, прошло почти два года. Но думаю, что если эти различия и есть, то они незначительны, ибо увиденное мной и моими товарищами по «Скорой» забыть невозможно.

До того, как все это началось, я без малого пятнадцать лет работал водителем на Луганской станции скорой медицинской помощи. Меня, как и тысячи жителей довоенной Украины, мало интересовали какие-либо политические вопросы, ибо свои домашние проблемы казались мне куда более существенными.

Однако постепенное ухудшение жизни простого человека становилось все более заметным. Все больше становилась разница между бедными и богатыми. Украина становилась каким-то рабовладельческим государством. Те, кто всю жизнь пахали на заводах и в шахтах, кроме профессиональных заболеваний к концу жизни не имели ничего. В то же время все свободные и не очень свободные земельные участки в городе отдавались под застройки дорогих коттеджей, по разбитым городским улицам часто ездили дорогие автомобили с хамовитыми водителями.

«Скорая помощь» – служба, в которую часто обращались и те, кто жил в дремучих Луганских трущобах, и те, кто считал себя хозяином жизни. Одним словом, бывать приходилось и у тех, и у этих, так что у меня была возможность оценить всю глубину пропасти между бедными и не бедными. И среди бедноты, и среди «избранных» люди встречались разные. Но всегда бригада предпочла бы вызов к бедноте, нежели к богатым. Скорее всего, так было потому, что те, кто работал на «скорой», сами относились к бедноте.

Однажды приехали мы на вызов к милиционеру-пенсионеру, я остался в машине, бригада вошла в девятиэтажку, которая до недавнего времени была общежитием. Ныне это здание было перестроено под элитные квартиры с большими жилыми площадями, охраной и обслуживающим персоналом. Хозяин квартиры предложил надеть бахилы, и был сильно удивлен, что бахилы выездному персоналу «скорой помощи» эта самая «скорая помощь» не выдает, ровно так же, как и не обязывает снимать при входе обувь.

По большому секрету скажу, что если бригаде на вызове предлагают надеть бахилы, то это не вызов «скорой помощи», то есть в тех случаях, когда мы действительно нужны людям, как правило, не до бахил. Но это, в общем, мало интересно, интересно то, что в процессе работы бригады этот самый хозяин квартиры сетовал на ухудшение своего благосостояния после того, как вышел на пенсию. Пенсия его на тот момент составляла 8000 гривен, или 1000 долларов. На что моя врач ответила, что вся наша бригада, включая машину, обходится бюджету дешевле, чем один такой пенсионер. Но ведь было время, когда он не был пенсионером и получал значительно больше средств, и был вполне в состоянии прикупить квартиру в этом пентхаузе. Для тех, кто безвылазно «пахал» на «скорой», купить любое жилье было делом недостижимым, примерно таким же, как полет в космос. Между тем, я не думаю, что работа на «скорой помощи» менее опасна или менее трудна, чем она была у этого отставного майора. Кроме того, она исключает возможность раннего выхода на пенсию как, скажем, в милиции. Да и вообще,

понятие пенсии для «скорой» было весьма размытым, так как до нее, как правило, не доживали.

«Скорая помощь», конечно же, не единственная обиженная бюджетная структура. Зарплаты в стационарах так же были, скорее, чисто символические. Да и вообще, касалось это не только медицины. Проще назвать, каких сфер это не касалось. Да она, в общем-то, одна и была – это правоохранительные органы. Проще говоря, жилось хорошо милиции, если ты, конечно, не рядовой и имеешь возможность регулярно снимать с кого-нибудь мзду. Или же, если ты тот, кто имеет возможность обкрадывать бюджет, используя всевозможные теневые схемы, взятки, откаты и прочие нехорошие вещи.

Особое внимание, пожалуй, стоит уделить «державной автомобильной инспекции». Может быть, из-за того, что по роду своей деятельности мне часто приходилось иметь с этой инспекцией дело, в моих глазах – это самая лицемерная, самая коррупционная, самая мерзкая, криминально-государственная структура.

Грани различия между криминалом и государством становились все более размытыми. Простому работяге жить становилось невыносимо.

Такая расстановка сил добра и зла привела Украину к майдану. Оно, конечно, не обошлось без американского вмешательства, но, думаю, что при той, уже сложившейся при Януковиче ситуации в стране, для взрыва было достаточно чиркнуть спичкой, что американцы и сделали.

На момент начала киевского майдана я не имел каких-либо определенных политических наклонностей.

С одной стороны, все, что происходило, вызывало где-то чувство гордости что ли, что нельзя бесконечно издеваться над людьми, что народ все же может и подняться. А с другой стороны, видя все то, что происходит в Киеве, сильно пугала перспектива тех же событий у себя в городе. Я все же был за более цивилизованные способы решения проблем.

Как оказалось, в Киеве на этом самом майдане был наш луганский отряд «Беркут». Задействован он был для поддержания порядка. Думаю, что каждый видел, что тогда на майдане происходило. Стоя в оцеплении, этим людям пришлось испытать на себе всю мощь толпы, «коктейли молотова» и обстрел из огнестрельного оружия.

Среди наших луганских там были раненые «беркутовцы». Я не знаю точно, сколько их там было, но в любом случае этих парней необходимо было каким-то образом перевезти в Луганск. Это нужно было сделать исходя из разных соображений, но главное из них – это безопасность. Подобные перевозки обычно ложились на плечи «скорой помощи», и в этот раз судьба не обделила нас острыми ощущениями, моя и еще две машины должны были ехать в Киев для перевозки раненых в луганские клиники.

Мне много раз приходилось ездить в дальние командировки, в том числе и в Киев. Но сложность этой заключалась в том, что из окруженного блокпостами города нужно было вывезти тех, кто был прямым врагом тех, кто стоял на этих самых блокпостах. Как это сделать, никто из нас толком не знал, все понимали степень опасности, но вопрос: ехать или не ехать – не стоял – сели и поехали.

Уже на въезде в Полтаву мы уперлись в длинную очередь из машин. Как оказалось, это был блокпост. Очередь медленно продвигалась вперед, в конце концов, стали просматриваться в темноте силуэты людей в масках с бейсбольными битами в руках, которые тщательно обыскивали стоящие впереди нас автомобили. Дошла очередь и до нас. Человек в маске открыл дверь салона, заглянул под ноги медикам и разрешил нам проехать. По пути до Киева таких блокпостов было несколько, но пустая машина, к счастью, не вызывала подозрений. Мы благополучно добрались.

Времени было около пяти утра, все три наши машины благополучно дошли до Киева, мы остановились, чтобы отдохнуть и определиться, как действовать дальше. Было решено оставить

две наши машины вместе с экипажами там же – на выезде в город, а один экипаж должен был забрать всех пострадавших и вывезти из города.

Так и сделали. Еще около часа я пробирался через множество блокпостов к какому-то госпиталю, из которого нужно было забрать раненого. По ходу выяснилось, что раненых уже не четверо, а двое. То ли они как-то сами уехали, то ли умерли – не знаю. Но нам, как говорится – «баба с возу, кобыла в курсе дела».

Навигатор привел нас к цели, мы забрали первого раненого. Молодой парень, 28 лет, если не ошибаюсь. Пулевое ранение легкого. Весь утыканный дренажами, трубками и капельницами, с большим трудом встал с каталки и с нашей помощью уселся на кресло фельдшера. В силу особенностей своего ранения, лежать он не мог, мог только сидеть. Из одежды на нем был только больничный халат. К нему в придачу санитарка госпиталя отдала большой мусорный мешок с его грязными вещами. Там была его грязная от крови форма и какие-то то ли наколенники, то ли налокотники.

Второго мы забрали тем же порядком из какой-то неподалеку расположенной больницы. Он был приблизительно того же возраста, с пулевым ранением бедра. Пуля прошла через бедро, раздробив бедренную кость. Медики надели на него «аппарат Елизарова» и в таком виде отдали нам. Теперь нам предстояло выехать из Киева. Я набрал на навигаторе обратный адрес и включил первую передачу. Машина покинула территорию больницы, мы снова оказались в неприветливой обстановке серых, незнакомых улиц, кишаших множеством каких-то непонятных, судя по всему, не очень трезвых особей, вооруженных битами с медицинскими масками на лицах.

Дороги, по которым нас вел навигатор, несколько раз оказывались перекрыты баррикадами, какое-то время мы петляли по городу. В конце концов, наш озадаченный навигатор вывел нас к блокпосту. Там, между двумя кучами покрышек и какого-то мусора, был оставлен узкий проезд, где с трудом проходила одна машина. Увидев «скорую помощь», «дежурный» выбежал на середину этого проезда, поднял руку с полосатым жезлом вверх, чтобы остановить движение и дать нам возможность проехать. Благо, наш луганский «пежо боксер» ничем не отличался от своих киевских собратьев – нас приняли за своих.

Мы проехали через баррикаду и оказались на Грушевского. Перед нами возвышались некогда бывшие белыми колонны, стоял запах горелых покрышек, кругом ходило множество людей, как на экскурсии. Всем было интересно посмотреть на те места, где совсем недавно произошли такие значимые и драматические для Украины события.

Мне тоже было интересно увидеть все своими глазами. Сделав круг по площади, мы остановились возле дежуривших тут же коллег из киевской «скорой». После недолгого общения коллеги нам показали дорогу и, попрощавшись, мы поехали. Второй наш блокпост был пройден так же как и первый, в дальнейшем особых проблем не было. Максимум, что могли себе позволить на блокпостах, – это открыть двери и посмотреть в салон. Но мы на всякий случай остановились у первого попавшегося мусорного бака и избавились от одежды и экипировки наших подопечных. Заранее была придумана легенда, что везем пострадавших в ДТП. В Борисполе мы встретились с двумя другими нашими машинами, перегрузили одного раненого в одну из них и отправились домой в Луганск.

Всех нас, конечно, интересовало: что же там происходило на самом деле? Откуда у ребят огнестрельные ранения? Было ли у них оружие? На каждой остановке и по пути мы общались, и постепенно начинали понимать суть произошедшего в Киеве.

Для тех, кто решил прочесть сие писание, сразу поясню, что со слов ребят, никакого оружия при них не было. Все, чем они располагали, – это щиты и резиновые милицейские палки, а также алюминиевая защита, которая, естественно, не могла противостоять пуле. Ее же вместе с одеждой мы и выбросили в один из киевских мусорных баков.

Командировка прошла удачно. Мы без проблем добрались до Луганской областной больницы, где и оставили наших пациентов со множественными пожеланиями скорейшего выздоровления.

Видеть Киев в таком полуобморочном состоянии мне было неприятно. Я часто бывал в Киеве – это был цветущий, красивый город с большой и интересной историей. Как только предоставлялась возможность, я приходил на майдан, в музей военной техники, в лавру. Интересный город, всегда в нем было на что посмотреть. Но на этот раз он был каким-то серым и чужим, как будто оккупированным какими-то инопланетянами в масках, с битами в руках. Кругом горы мусора, запах горелых покрышек и сантиметровой слой сажи на некогда сверкающей брусчатке.

Глядя на весь этот хаос, было страшно представить, что в Луганске может произойти то же самое.

На тот момент я не имел каких-либо политических предпочтений, мне просто не хотелось, чтобы город, в котором я живу, постигла та же участь. Однако никакие предположения, как оказалось, не могли сравниться с ожидающей нас реальностью.

Случилось так, что эта командировка в Киев, после майдана, была не единственной. Второй раз мне пришлось ехать в Киев за новыми машинами для Луганской скорой помощи.

Шестнадцать водителей шумной толпой вышли из двадцатого поезда на один из многочисленных киевских перронов. На тот момент линия фронта поездов не касалась, чего нельзя сказать об автомобильных дорогах.

Мы прибыли на стоянку, где на нескольких гектарах асфальтированной поверхности стояли сотни новеньких «пежо», переделанных под «скорую помощь». Спустя несколько часов бумажной волокиты и приемки машин, колонна из пятнадцати машин двинулась в сторону Борисполя. О февральских баррикадах на трассе напоминали черные пятна на обочине в тех местах, где стояли сгоревшие автобусы, битое стекло и горы пепла сгоревших покрышек.

По мере приближения к Луганску на трассе все чаще встречались колонны военной техники. Машины шли своим ходом, а также их перевозили при помощи огромных армейских тягачей. Видеть это было непривычно, но не более того. Я смотрел на все происходящее совершенно равнодушно, как бы со стороны, не отдавая предпочтения кому-либо из сторон. Да и не верилось мне, что все это может каким-то образом коснуться именно меня.

Уже в Луганской области мы удачно прошли несколько блокпостов перед городом Сватово, но блокпост на выезде из этого самого Сватово нас не пропустил. Мы несколько часов просидели в машинах, держа руки на руле. Таков был приказ украинских военных. Мимо нас, гремя траками и кроша асфальт, носились украинские БМП с пехотой на броне. Но терпение и объем мочевого пузыря были не безграничны, и мы стали по одному выходить из машин, благо, военные на это смотрели сквозь пальцы.

В конце концов, было приказано разворачивать колонну в обратном направлении, и в сопровождении мы отправились на территорию Сватовского психиатрического диспансера для того, чтобы оставить там машины. Мы выстроили машины в ряд, отдали ключи от них и были свободны на все четыре стороны. Хорошо, что на тот момент связи со Сватовской скорой еще не были потеряны, за нами прислали УАЗик «скорой помощи» и еще какую-то легковушку, с целью доставить нас на автовокзал города Сватово, ибо расстояние там было весьма приличное, и поход пешком мог затянуться на несколько часов. Все шестнадцать человек, проклиная тот злополучный блокпост, с невероятными усилиями влезли в эти две машины и с горем пополам доехали до вокзала.

Автобусы на Луганск были переполнены, маленький вокзал был забит людьми. Люди сидели на ступеньках, некоторые с детьми на руках, с множеством каких-то пакетов и сумок. Практически всем нужно было в Луганск. Отправить нашу толпу оказалось большой проблемой. И, как оказалось, поезда на Луганск уже не ходят. Все попытки уехать не имели резуль-

тата. Не надеясь, что нам кто-то чем-то поможет, я пошел в администрацию вокзала, объяснил ситуацию, – и чудо свершилось. Нам дали «Газель», сняв ее с какого-то другого маршрута.

На этих последних ста пятидесяти километрах пути было множество украинских блокпостов, наша маршрутка кланялась каждому. Досмотра как такового не было, максимум – могли посмотреть паспорта, скорее всего, досматривать было просто лень, они ограничивались осмотром лиц тех, кто ехал через линию фронта. Последний блокпост был в городе Счастье, это был блокпост ЛНР. Осмотр автобуса сепаратистами ничем не отличался от украинского, где-то минут через двадцать измотанные дорогой мы были в Луганске возле парка Первого Мая.

Работа на «Скорой помощи» была лишена рутины, она всегда была полна разных неожиданностей, а порой и опасностей. Окончив Луганский университет имени Владимира Даля и затем магистратуру в университете имени Т.Г. Шевченко, я так и не смог найти работу более интересную и более увлекательную, чем работа на «скорой помощи».

Мне всегда был интересен медицинский аспект работы. Я был не только водителем, я был полноправным членом бригады. Мне нравилось принимать участие в оказании помощи, проведении реанимационных мероприятий. Я мог снять кардиограмму и довольно точно описать ее. Мог наложить шину на поломанную конечность, наложить жгут или тугую повязку в случае сильного кровотечения. Я с удовольствием брался за все, что мне доверяли и делал это достаточно хорошо, поэтому доверяли мне многое. Медики всегда делились со мной знанием и опытом, за что я очень им благодарен. Я часто посещал медицинские конференции и всевозможные лекции, в моем распоряжении были манекены, на которых можно было отработать действия при реанимации или, скажем, можно было научиться интубировать, чем я непременно пользовался. Да и сама работа на «скорой» давала ценнейший опыт, который, как оказалось позже, было где применить.

Обстановка на Донбассе продолжала накаляться, был охвачен огнем Славянск. В Луганске становилось все жарче. Ополчение отбивало объекты один за другим, здание СБУ, военкоматы, воинские части и всевозможные иные государственные учреждения. Зачастую эти учреждения просто сливались, создав видимость бурного сопротивления, но камнем преткновения стала Луганская погранзастава. Бой за нее продолжался не одни сутки, обитатели заставы оказали серьезное сопротивление. Потери были с обеих сторон. Пули и реактивные гранаты летали прямо среди жилого сектора над головами мирных жителей. Ополченцы периодически давали коридоры для выхода мирных жителей, люди бежали из домов прямо под обстрелом, взяв с собой самое необходимое.

Наша реанимация регулярно выезжала к месту тех событий, чтоб забрать раненых, их было много. Больницы Луганска были забиты ранеными. Большинство медиков впервые столкнулись с таким количеством огнестрельных и осколочных ранений, учились, как говорится, по ходу дела, других вариантов не было. Особо тяжелым оказывали первую помощь в Луганске, потом везли в Ростов, остальных оставляли в наших стационарах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.